

А. И. Матюшенкій.

W $\frac{518}{502}$ P $\frac{1-75}{19316}$

Половой рынокъ и половыя отношенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія «СВЕРЬ», Садовая 60.
1908.

Отъ автора.

Предлагая читателямъ нашъ трудъ, мы должны оговориться, что не претендуемъ на исчерпывающее значеніе сдѣланныхъ нами изысканій. Наша задача много скромнѣе. Только намѣтить,—а никакъ не установить,—болѣе или менѣе правильный взглядъ на такъ называемую продажную любовь и ея жриць и жрецовъ. Тѣмъ не менѣе рядъ имѣющихся въ нашемъ распоряженіи фактовъ даетъ достаточный матеріалъ для того, чтобы безошибочно найти причины и источники продажной любви. На первомъ мѣстѣ тутъ несомнѣнно стоитъ съ одной стороны голодъ, нужда и невѣжество, а съ другой—пресыщеніе, бездѣлье и безсердечіе... И только на второе или на третье мѣсто можно поставить желаніе задавленнаго подневольнымъ трудомъ и нуждой человѣка (женщины) «пожить повеселѣе». Но и тутъ въ значительной мѣрѣ вліяетъ развращающій примѣръ «властителей жизни», распротраняющихъ «угаръ веселья» на соприкасающіеся съ ними слои трудящагося населенія.

Въ сферѣ вліянія этого угара создается прятая атмосфера разгула и циничнаго разврата, захваты- вающаго въ водоворотъ отрицанія какихъ бы то ни было принциповъ въ особенности темныя, мало- сознательныя единицы. Какому нибудь полугра- мотному мастеру, трудно не слѣдовать примѣру

блестящаго инженера, директора завода, который въ глазахъ такого мастера является идеаломъ ума и образованности. Еще легче тому же вліянію подчиняется деревенская дѣвушка, попавшая въ сферу притяженія «угара». Она слѣпо, какъ мотылекъ, летитъ на огонь и... гибнетъ, безвозвратно и въ ужасныхъ страданіяхъ.

Въ корнѣ же всего этого моря зла и страданій стоитъ несомнѣнно самый строй жизни, система, отъ давленія которой не свободны не только рабы, но и господа. И если рабы гибнуть въ мукахъ и страданіяхъ въ лицѣ отдѣльныхъ особей, то господа, какъ намъ представляется, идутъ къ безславному концу полнымъ комплектомъ, хотя и безъ мукъ. Пьяной компаніей, въ атмосферѣ цинизма и разврата, они медленно, но вѣрно подвигаются къ своей исторической могилѣ.

Повторяемъ, въ нашемъ трудѣ нѣтъ чего либо исчерпывающаго и законченнаго. Мы даемъ только рядъ фактовъ и отношеній общественныхъ единицъ, которые, какъ намъ кажется, сами по себѣ намѣчаютъ путь изслѣдованія, которое мы и предоставляемъ другимъ, обладающимъ лучшими условіями для серьезной и обширной работы, чѣмъ мы.

Авторъ.

Дѣти.

Съ тѣхъ поръ прошло три года, а эти двѣ фигуры и сейчасъ стоятъ предъ моими глазами.

Я ихъ встрѣтилъ совершенно случайно, или, вѣрнѣе, не встрѣтилъ, а почти наступилъ на нихъ въ ихъ болѣе чѣмъ странномъ жилищѣ.

Я жилъ тогда въ одномъ приморскомъ городѣ.

Мнѣ нужно было лодку, чтобы прокатиться по морю. Была зима, но погода стояла такая чудная, луна такъ заманчиво разсыпала по волнамъ серебряныя блестки, что я какъ-то невольно съ набережной направился къ одной изъ пристаней, гдѣ обыкновенно стояли лодочники-персы съ своими лодками. Лодки были тутъ, но ни одного лодочника не было.

— Лодочникъ! — крикнулъ я и стукнулъ о край пристани палкой.

Палка вырвалась у меня изъ рукъ и полетѣла подъ пристань, на откосъ берега. Палку мнѣ не хотѣлось терять, и я по берегу сталъ спускаться къ водѣ. Подъ пристанью было совершенно темно, я полѣзъ въ карманъ за спичками, а самъ осторожно подвигался впередъ. Какъ вдругъ подъ ногой я почувствовалъ что то мягкое — живое и въ то же время услышалъ молодой еще совѣмъ мальчишескій голосъ:

— Что ты на людей то лѣзешь!

Я зажегъ спичку и отступилъ на шагъ.

Преодо мной была куча тряпья, грязнаго, закопченнаго, изъ котораго сверкали четыре глаза.

— Кого тебѣ? — проговорило тряпье.

— Какъ, кого?

— Ну, ее или меня нужно?

Я ничего не понималъ, но затѣмъ понялъ, — это были: дѣвочка и мальчикъ, занимающіеся проституціей. Ему было тринадцать, ей двѣнадцать лѣтъ. Здѣсь они жили, здѣсь же и принимали своихъ посѣтителей, или гостей, какъ называли они ихъ.

— Мы думали ты къ намъ идешь, — разочарованно проговорилъ мальчикъ послѣ нѣкоторыхъ весьма откровенныхъ поясненій.

— Но какъ же вы тутъ живете? Вѣдь холодно.

— А гдѣ же намъ жить? — отвѣтилъ мальчикъ вопросомъ же.

— Развѣ у васъ нѣтъ никого родныхъ?

— Нѣтъ.

— И давно вы тутъ?

— Всегда.

— Какъ, всегда?

— Такъ и всегда! — съ досадою повторилъ мальчикъ.

Дѣвочка все время молчала, хотя не спускала съ меня глазъ.

— Тутъ наше мѣсто, — пояснилъ, минуту спустя, мой собесѣдникъ. — Подъ другими пристанями другіе, а тутъ — мы съ Дунькой.

— А она тебѣ какъ приходится?

На это мальчикъ отвѣтилъ грубой сальностью, изъ которой можно было понять, что дѣвочка его любовница. Изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ ними я узналъ, что они жили на общій заработокъ, при чемъ кассой завѣдывалъ мальчикъ, онъ же производилъ и всѣ расходы.

— И много вы зарабатываете? — спросилъ я.

— Сколько придется.

— Вчера мнѣ одинъ баринъ полтинникъ далъ, — отозвалась дѣвочка. Она, повидимому, гордилась такимъ „большимъ“ заработкомъ.

— А къ вамъ и господа ходятъ?

— А то нѣтъ! — обидчиво отозвалась дѣвочка.

Я не сталъ спрашивать, что за господа пользуются этими несчастными; меня больше интересовали ихъ взаимныя отношенія; мнѣ хотѣлось узнать, какъ этотъ сынъ улицы относится къ своей подругѣ, какъ къ супругѣ и какъ къ товарищу по работѣ. Я желалъ поэтому продлить бесѣду, а, между тѣмъ, мнѣ было не по себѣ въ этомъ темномъ мѣстѣ, подъ настилкой пристани, гдѣ, можетъ быть, еще за часъ до этого совершалось надруганіе надъ дѣтскимъ тѣломъ.

— А вѣдь они, вѣроятно, голодны?—Кстати пришла мнѣ въ голову мысль, и я рѣшилъ пригласить ихъ куда-нибудь поужинать.

— А гдѣ вы ужинаете? спросилъ я ихъ.

Они сначала меня не поняли, повидимому, понятіе „ужинъ“, какъ нѣчто обязательное, ежедневно повторяющееся, имъ было неизвѣстно. Они просто ѣли, когда къ тому была возможность, но совершенно не понимали возможности установленія времени для ѣды. Это было внѣ условій ихъ жизни. Аппетитъ у нихъ былъ всегда, въ теченіе 24 хъ часовъ въ сутки, и если есть ѣда, то они ѣли во всякое время съ удовольствіемъ, хотя бы десять разъ въ сутки. Но дѣйствительность въ этомъ отношеніи ихъ не баловала и далеко не сообразовалась съ ихъ аппетитомъ: насыщаться имъ приходилась часто вдвое и даже втрое сутокъ разъ. За то бывали дни, когда они ѣли по шести разъ и даже болѣе.

Вотъ почему мой вопросъ объ ужинѣ вызвалъ

вмѣстѣ и улыбку и недоумѣніе на лицахъ моихъ собесѣдниковъ.

— Что смѣтаетесь? Я спрашиваю, гдѣ вы ѣдите?

— Гм! гдѣ мы ѣдимъ, Дунька! — насмѣшливо проговорилъ мальчикъ и толкнулъ свою подружку локтемъ.

Дунька хихикнула и уткнула свой носъ въ бывшее на ней тряпье.

— Ну, если бы вы сейчасъ захотѣли ѣсть, куда бы вы пошли?

Захотѣли! — иронически проговорилъ мальчикъ. — Мы ужъ давно хотимъ, да вотъ тутъ-то пусто. И онъ хлопнулъ себя по карману.

— Ну, а если бы у васъ были деньги?

— Откуда имъ быть?

— Да вотъ я вамъ сейчасъ дамъ денегъ, — куда вы пойдете?

— Смотря сколько дашь. Если пятакъ, то въ лавочку, купимъ хлѣба и поѣдимъ.

А если больше, если рубль?

— Ну, рубль то ты не дашь! — скептически протянулъ мальчикъ.

Я вынулъ рубль и бросилъ мальчику въ колѣни.

— Вотъ тебѣ рубль, пойдете, покажите мнѣ, гдѣ вы ѣдите.

— Ты взаправду? — удивился мальчикъ, не дотрагиваясь до блестящаго въ темнотѣ рубля.

— Конечно.

Но ему все еще не вѣрилось, что такъ, ни съ того, ни съ сего, ему даютъ рубль.

Дѣвочка толкнула его подъ бокъ и что-то шепнула ему на ухо. Онъ какъ то особенно взглянулъ на меня, взявъ рубль и, вставая на ноги, проговорилъ:

— Ну, пойдѣмъ.

— А мнѣ идти? — робко спросила дѣвочка, обращаясь ко мнѣ.

— Конечно, иди, вѣдь ты тоже хочешь ѣсть.

— Мало ли что? Можетъ быть, ты не хочешь, чтобы я была тамъ—всякіе вѣдь бываютъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, непременно пойдемъ!—поспѣшилъ я заявить, испугавшись перспективы явиться вдвоемъ съ мальчикомъ въ такое мѣсто, гдѣ его профессія, очевидно, всѣмъ и каждому была известна.

— Что-жъ, пойдемъ, Дунька, бываютъ вѣдь и такіе. Помнишь прошлогодняго капитана?

Для меня эти слова остались непонятными, но потомъ я понялъ ихъ значеніе.

Мы пошли по набережной, они шли впередъ, я за ними. Черезъ десять минутъ они привели меня въ грязный трактиръ, въ полуподвальномъ этажѣ.

Въ трактирѣ было нѣсколько маленькихъ отдѣльныхъ клѣтушекъ, въ одну изъ которыхъ насъ и провелъ мальчикъ прислуживавшій гостямъ.

Въ общей залѣ трактира было нѣсколько посетителей, очевидно, завсѣгдатаевъ, они какъ-то особенно посмотрѣли на меня, когда я проходилъ со своими спутниками въ отдѣльный „кабинетъ“. А одинъ даже кивнулъ на меня головой и проговорилъ что то въ родѣ: „ого“!

— Ну, что же вы будете ѣсть?—спросилъ я.

— Все-равно, что закажете, — отозвался мальчикъ.

Я велѣлъ подать двѣ порціи шашлыка.

— Да ты смотри—порціи-то побольше!—крикнулъ мальчикъ вслѣдъ уходившему прислужнику.

А развѣ тутъ большія и маленькія порціи бываютъ?—спросилъ я.

— А то! Имъ смотри въ зубы-то, такъ они сейчасъ нагрѣются!

— Часто вы тутъ ѣдите?

— Больше все съ „гостями“, а такъ, одни, не ходимъ.

— А когда въ послѣдній разъ ѣли?

— Вчера въ полдень.

Было уже около десяти часовъ вечера, значить дѣти не ѣли около 35 часовъ. Принявъ это въ соображеніе, я рѣшилъ, что двухъ порцій шашлыка имъ будетъ мало и велѣлъ сварить еще шесть яицъ и подать десятокъ раковъ.

— И пива подай!—дополнилъ мои распоряженія мальчикъ.

— Пива не надо,—сказалъ я.

— Ну вотъ, лучше раковъ не надо,—что въ нихъ!

— Но развѣ ты пьешь пиво?

— А-то!

— А она?

— Она-то? Она небось и водку пьетъ. Намъ нельзя не пить, у насъ работа такая. Не станешь пить, такъ тебя и не возьметъ никто.

— А давно вы занимаетесь этой работой?

— Дунька недавно, съ прошлаго года. а я уже третій годъ.

Я смотрѣлъ на нихъ и никакъ не могъ примириться съ дѣйствительностью. Она и теперь была худенькая, слабенькая, изможденная, малорослая,— что же было годъ назадъ? — Задавалъ я себѣ вопросъ. И кто тотъ звѣрь, который посягнулъ на нее?

Но „звѣрь“, оказывается, сидѣлъ предо мной,— это онъ, ея настоящій сожитель и товарищъ по ремеслу совратилъ ее и изъ дѣвочки-нищей превратилъ въ дѣвочку-проститутку.

Первый разъ они встрѣтились предыдущей зимой подъ той же пристанью, гдѣ нашелъ ихъ я. Онъ уже жилъ тамъ и раньше, а она пришла туда за неимѣніемъ другого ночлега. Было холодно, и на нихъ были лохмотья лѣтняго платья, и они согрѣвались другъ около друга. Но не это было причиной паденія Дуньки; они еще были настолько молоды, что совмѣстный ночлегъ не возбуждалъ

ихъ инстинктовъ. Даже и теперь, годъ спустя, она говоритъ о своей „работѣ“, какъ о довольно чувствительномъ мученіи. А тогда она съ ужасомъ думала объ этомъ. Но обстоятельства были таковы, что пришлось покориться. Какъ разъ настали холодные дни, публики было мало на улицахъ, и Дунька возвращалась подъ пристань съ пустыми руками.

— Никто не подавалъ.

У Егорки—такъ звали мальчика,—тоже не было заработка, и дѣти голодали по три дня къ ряду.

А тутъ къ Дунькѣ одинъ лодочникъ сталъ приставать,—разсказывалъ Егоръ,—три рубля сулилъ. Я говорю „соглашайся дура!“ а она боится, какъ только увидитъ его, такъ бѣжать. Пробовалъ я ее и бить—ничего не помогаетъ: „лучше, говоритъ, убей!“

Чтобы уменьшить этотъ безотчетный страхъ предъ неизвѣстнымъ, Егорка при первомъ же заработкѣ напоилъ свою подругу водкой... На это подвинулъ его собственный опытъ...

Такова исторія паденія этихъ двухъ обездоленныхъ безпріютныхъ дѣтей. Все происходило чрезвычайнo просто и вмѣстѣ съ тѣмъ производило ужасное впечатлѣніе. Кто-то, когда-то ихъ родиль и чуть не послѣ рожденія выбросилъ на улицу.

— Моя мать въ больницѣ умерла, — говоритъ Дунька,—а тетка меня выгнала, сказала: „ступай въ пріютъ! Кормить, что ли я тебя буду“.

Она и пошла, но пріюта, конечно, не нашла, такъ какъ ей тогда было лѣтъ 6—7. Улица приняла ее и кормила, а также и давала ей ночлегъ подъ пристанью, подъ брусьями, на лѣсныхъ пристаняхъ и вообще во всякомъ темномъ, защищенномъ отъ вѣтра углу.

— Подавали сначала хорошо, каждый день больше гривенника набиралось, вспоминаетъ она.

И если бы она не выросла, а такъ и оставалась шестилѣтней крошкой, улица, вѣроятно, про-

должала бы отпускать ей ежедневно по гривеннику. Но она по неумолимому закону природы росла, туго, но все-же росла, и это-то ее и погубило. Въ 11 лѣтъ улица нашла, что она уже можетъ зарабатывать свой хлѣбъ, и перестала отпускать гривенники. На ея судьбѣ, какъ въ зеркалѣ отразилось буржуазное міросозерцаніе, въ которомъ дѣтскій трудъ представляетъ изъ себя то Эльдorado, къ которому стремится всякій владѣлецъ орудій труда.

— Дѣти должны работать, ихъ трудъ самый выгодный, а не работающая 11-ти лѣтняя дѣвочка является прямымъ убыткомъ для „общества“.

Вотъ что молчаливо отвѣтила Дунькѣ улица, когда она протягивала руку за подаянiемъ.

И вотъ она работаетъ! Теперь она не сидитъ на шеѣ общества, она живетъ своимъ „трудомъ“!

Исторія Егорки точная копія съ исторіи его подруги, съ тою только разницей, что онъ совсѣмъ не помнитъ своихъ родителей. Матерью его всегда была улица, поступила она съ нимъ такъ-же, какъ и съ Дунькой, и къ тому и другому приложена была одна и та же мѣрка. До одиннадцати лѣтъ кое какъ кормился подаянiемъ, а на двѣнадцатомъ году принужденъ былъ согласиться на предложеніе „лодочника“. Разница была еще въ томъ, что *ей* „лодочникъ“ заплатилъ ему не три рубля, а всего рубль, хотя это былъ богатый человекъ, домовладѣлецъ, гласный думы. Этотъ господинъ, очевидно, лучше зналъ рыночную цѣну дѣтскаго тѣла, чѣмъ лодочникъ, о трехъ рубляхъ котораго дѣти сами говорятъ, какъ о суммѣ, далеко превышающей цѣнность оказанной услуги.

Три рубля для нихъ цѣлое богатство, они даже боялись, что ихъ ограбятъ и прятались отъ всѣхъ. Имъ казалось, что всѣ только и думаютъ объ ихъ „богатствѣ“.

Егоркинъ первый „гость“ въ качествѣ привыч-

наго цѣнителя труда, конечно, зналъ это и вознаградилъ его рублемъ. Но Егорка не обижается на него, онъ находитъ, что все это въ порядкѣ вещей.

Вѣдь онъ не одинъ занимается этой „работой“ и всѣмъ такъ-же платятъ. Егорка боленъ, его заразили, но и на это онъ не обижается и это находитъ онъ въ порядкѣ вещей.

Его удивляетъ скорѣе обратное: человѣческое отношеніе къ нему посторонняго лица, безкорыстное желаніе помочь, войти въ его положеніе. Это ему непонятно, къ этому онъ не привыкъ и это не укладывается въ его головѣ. Такъ, онъ никакъ не могъ примириться съ тѣмъ, что ни онъ, ни Дунька не нужны мнѣ, и что все наше знакомство ограничится однимъ ужиномъ.

Напротивъ, онъ думалъ, что мнѣ нужны временно и онъ и его подруга,—иначе зачѣмъ я ихъ кормлю обоихъ, а не одного которагонибудь.

Именно это онъ имѣлъ въ виду тамъ подь пристанью, когда сказалъ:

— „Пойдемъ, Дунька, бываютъ вѣдь и такіе!“

„Помнишь прошлогодняго капитана?“

„Прошлогодній капитанъ“ именно надругался надъ ними обоими вмѣстѣ, при самой отвратительной обстановкѣ.

И какъ я не увѣрялъ ихъ, что ничего подобного не желаю, они не вѣрили, это видно было по ихъ глазамъ, по ихъ переглядыванію между собой. Повѣрили и то съ трудомъ только, когда я распростился съ ними у дверей притона.

— Вы вправду уходите?

— Конечно, а ты все не вѣришь?

— Нѣтъ, зачѣмъ не вѣрить... пойдемъ, Дунька, всякіе господа-то бываютъ!

И они скрылись въ темнотѣ.

Дѣти и общественная совѣсть.

Съ тѣхъ поръ прошло три года, а стоитъ только мнѣ закрыть глаза, какъ обѣ дѣтскія фигуры вырастаютъ предо мной въ той обстановкѣ, въ какой я провелъ съ ними около двухъ часовъ.

Егорка сидитъ, опершись локтями на столъ, и говорить:

— Гости все больше подь пристанью у насъ бываютъ: когда къ ней приходятъ, я отойду немного и жду, а когда ко мнѣ придетъ кто, она отойдетъ... А потомъ идемъ въ лавку покупать хлѣбъ...

Какой горькій хлѣбъ достается имъ въ жизни!

Тогда этотъ мальчикъ въ роли проститута былъ для меня въ новинку, я какъ житель внутреннихъ губерній Россіи, не предполагалъ ничего подобнаго, поэтому такъ и поразила меня эта злополучная пара. Теперь я знаю, что дѣтская проституція въ средѣ обоихъ половъ — обычное явленіе не въ одномъ только этомъ городѣ. И къ стыду моему, долженъ сознаться, что меня это больше не поражаетъ. Я негодовалъ на общество, что оно равнодушно смотритъ на такое отвратительное явленіе, а теперь самъ слился съ этимъ обществомъ и такъ-же равнодушно смотрю на эту гнусность, какъ и оно. Таково вліяніе постоянно находящагося передъ глазами факта—въ концѣ концовъ онъ по-

лучаетъ право существованія въ глазахъ всѣхъ, не исключая и тѣхъ, которые должны стоять настражъ интересовъ общества.

Явленіе это общее, напримѣръ, для всего Кавказа, однако, въ Закавказской прессѣ вы не встрѣтите крика негодованія по этому поводу, она довольно равнодушно отмѣчаетъ: „Такого то числа, такой то обыватель совершилъ гнусное насиліе надъ мальчикомъ столькихъ то лѣтъ“. И только не ждите статьи или фельетона по поводу этого гнуснаго насилія, ихъ не будетъ, ибо это „гнусное насиліе“ есть обычное явленіе въ общественной жизни, къ нему всѣ присмотрѣлись, всѣмъ оно надошло и никого не интересуеть. Я говорю это не въ упрекъ кавказской прессѣ, — нельзя негодовать ежедневно и безъ конца по поводу одного и того же явленія, какъ бы оно возмутительно не было. Въ концѣ концовъ или негодованіе уляжется, или негодующій не будетъ имѣть слушателей, мимо него будутъ проходить такъ же равнодушно, какъ равнодушно проходятъ мимо самаго факта, по поводу котораго выражается негодованіе. Отмѣчая равнодушное отношеніе печати къ этому печальному факту, я только хочу показать, насколько распространено и насколько глубоко пустило корни то явленіе, о которомъ я говорю. Его волей-неволей, признаютъ имѣющимъ право существованія, признаеть, конечно, прежде всего общество, и съ нимъ вмѣстѣ не можетъ не признавать и печать, какъ кость отъ кости общества и плоть отъ плоти его.

Борьба со зломъ при такомъ положеніи для отдѣльнаго лица является болѣе чѣмъ трудной, на какой бы почвѣ это лицо не повело свою борьбу. Общество, разъ оно признало за чѣмъ-либо право существованія, всегда умѣетъ дать отпоръ новатору. Всякое преслѣдованіе за неестественный порокъ тотчасъ встрѣчаетъ обвиненіе преслѣдователя къ шантажѣ.

— Это шантажъ! — вполне искренно кричить обвиняемый, такъ какъ считаетъ, что преслѣдуя его за то, что дѣлають безнаказанно всѣ, обвинитель поступаетъ съ нимъ несправедливо.

И его крикъ находить сочувствіе и поддержку со стороны общества, такъ какъ на него тотчасъ откликаются всѣ тѣ, которые только по случайности не обвиняются въ томъ-же.

Года четыре назадъ въ городѣ Б. случайно возникло дѣло о насиліи надъ однимъ мальчикомъ, при чемъ на слѣдствіи онъ указалъ до 12-ти лицъ, имѣвшихъ съ нимъ постоянныя сношенія. Въ числѣ указанныхъ мальчикомъ лицъ было нѣсколько чело-вѣкъ гласныхъ думы. Фактъ этотъ въ печать не попалъ, но частно былъ извѣстенъ всѣмъ, тѣмъ не менѣе никакого негодованія въ обществѣ не вызвалъ. Надъ обвиняемыми добродушно подсмѣивались, подшучивали, но въ то-же время имъ сочувствовали, имъ старались помогать выкрутиться изъ неприятнаго дѣла. Всѣ кричали:—это шантажъ!— Хотя всѣ прекрасно знали, что обвиняемые въ этомъ отношеніи считаются любителями.

Такое отношеніе общества къ неестественному пороку не можетъ, конечно, не остаться безъ вліянія и на слѣдственную власть. Дѣлъ подобнаго рода въ Б. возникаетъ масса, но почти всѣ они, за самымъ незначительнымъ исключеніемъ, идутъ на прекращеніе.

Мальчикъ, обыкновенно, со всѣми подробностями описываетъ гнусный актъ, указываетъ мѣсто, время дѣйствія, участвующихъ лицъ, — но все это ничему не помогаетъ безъ сочувствія общества. Общество хоромъ кричитъ:—это шантажъ!

И этимъ крикомъ гипнотизируетъ слѣдователя, внушаетъ ему непреодолимое сомнѣніе въ каждомъ словѣ мальчика и, напротивъ, довѣріе къ каждому слову обвиняемаго и его свидѣтелей,—и въ концѣ

концовъ получается такая картина предварительнаго судебного слѣдствія, что дѣло не прекратить нельзя.

И оно прекращается, что само собой набрасываетъ тѣнь на обвинителя, какъ на шантажиста.

Биржа тѣла и неестественная любовь.

Въ результатѣ вырастаетъ уже совершенно невѣроятное явленіе. Указанный порокъ, какъ извѣстно, карается по русскимъ законамъ весьма строго, хотя бы и было согласіе обѣихъ сторонъ, — слѣдовательно, какого либо открытаго проявленія этого порока быть не должно, и, казалось бы, и быть не можетъ. Однако, въ Б. существуетъ также всѣмъ извѣстное мѣсто, на которомъ мальчики открыто предлагаютъ себя желающимъ.

Мѣсто это находится въ центрѣ города и называется „Парапетъ“. На этомъ Парапетѣ каждый вечеръ, на виду у всѣхъ, встрѣчается спросъ и предложеніе... Мальчики-профессіоналы болѣе или менѣе расфранченные, въ туземныхъ костюмахъ ждутъ своихъ кліентовъ. И всѣ, не исключая и властей, равнодушно проходятъ мимо этой гнусной биржи, она функціонируетъ безпрепятственно.

Далѣе въ различныхъ духанахъ прислуживаютъ обыкновенно мальчики лѣтъ пятнадцати — шестнадцати, они всегда выкормлены, съ женоподобными торсами. Это „содержанцы“ хозяевъ. Тутъ даже встрѣчается нѣчто въ родѣ настоящей страсти, съ измѣнами, муками ревности, бурными сценами, доходящими нерѣдко до убійства или соперника или мальчика измѣнника.

Было, на примѣръ, такое дѣло въ судебной

практикѣ. Мальчикъ служилъ въ лавочкѣ и былъ въ связи съ хозяиномъ, который пылалъ къ нему. Но за этимъ же мальчикомъ ухаживалъ и, небезуспѣшно, сосѣдъ. Хозяина — содержателя мальчика мучила ревность, онъ дошелъ до того, что сталъ грозить сосѣду убійствомъ, но тутъ они случайно узнаютъ, что мальчикъ измѣняетъ имъ обоимъ.

Враги заключаютъ союзъ и убиваютъ мальчика.

И такіе случаи не рѣдкость. Вообще принято мстить самому мальчику, и только въ рѣдкихъ случаяхъ месть обрушивается на соперника.

Въ мѣстныхъ газетахъ часто приходится встрѣчать замѣтки такого рода: „Такого-то числа, въ такомъ-то переулкѣ найденъ трупъ юноши лѣтъ 15—16. На трупѣ оказалось 8 колотыхъ ранъ“.

Ранъ иногда бываетъ и больше,—это разсвирѣпѣвшій ревнивецъ вымѣщалъ на мальчикѣ муки ревности. Убійца въ такихъ случаяхъ въ огромномъ большинствѣ остается безнаказаннымъ; онъ извѣстенъ всѣмъ близкимъ, но эти близкіе считаютъ его месть законной. Уличный мальчикъ, брошенный своими родителями на произволъ судьбы, становится достояніемъ улицы, откуда его воленъ брать всякій желающій—и беретъ. Съ этого момента онъ принадлежитъ своему владѣльцу, затрачивающему на него извѣстную сумму денегъ. Охрана своихъ правъ въ такомъ случаѣ и месть за нарушение этихъ правъ считаются вполнѣ естественными и законными. При столкновеніяхъ такого мальчика съ его обладателемъ негодование обрушивается не на послѣдняго, а на перваго.

— Онъ взялъ съ улицы, обулъ, одѣлъ, кормилъ, какъ на убой, а онъ?

Взглядъ, какъ видите, очень простой, какъ на нарушение права собственности. Законъ не покровительствуетъ этому праву, а даже преслѣдуетъ

его, но общество не хочет примириться съ этимъ закономъ, онъ чуждъ ему, такъ какъ гнусное явленіе выросло ранѣе появленія русскихъ законовъ, оно существуетъ много вѣковъ и давнымъ давно сдѣлалось „потребностью“ востока, какъ его многоженство, дома терпимости, содержанки и проч.

Гнусно, неестественно, — но таковъ Востокъ, такова его культура, способствующая произрастанію даже и болѣе гнусныхъ, болѣе неестественныхъ пороковъ.

Въ требникахъ восточной церкви, въ правилахъ объ исповѣди, имѣются такіе вопросы: не пался ли со скотомъ, со птицею?..

Эти слова съ восточныхъ требниковъ цѣликомъ перенесены и въ наши русскіе требники, хотя послѣдній изъ двухъ пороковъ никому изъ русскихъ не придется и въ голову.

Но на Востокъ, очевидно, если не сейчасъ, то въ прежнее время и этотъ порокъ имѣлъ свое мѣсто, иначе онъ не былъ бы помѣщенъ въ числѣ человѣческихъ прегрѣшеній.

Больше того, можно сказать, что порокъ этотъ былъ сильно распространенъ, такъ какъ фигурируетъ въ числѣ грѣховъ обычныхъ, не первостепенной важности, считается, слѣдовательно, обычной человѣческой слабостью, съ которой приходится мириться, такъ какъ „грѣшенъ есмь и во грѣхахъ роди мя мати моя“.

Вотъ это-то—„грѣшенъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя“, какъ принципъ, какъ уступка человѣческому темпераменту и даетъ право существованія пороку, какъ бы онъ, по нашему понятію, ни былъ гнусенъ, — и никакая строгость закона тутъ не поможетъ, пока само общество не откажется отъ своихъ старыхъ укоренившихся взглядовъ и не признаетъ, что „мальчики“, какъ предметъ наслажденія, — гнусность и неестественная гнусность. До тѣхъ поръ всякія попытки борьбы

съ этимъ зломъ будутъ разбиваться о пассивное сопротивленіе общества, оно всегда сумѣетъ защитить „кость отъ кости своей, плоть отъ плоти своей“.

Какая-либо непосредственная борьба съ любителями гнуснаго порока затрудняется еще и тѣмъ, что пороку этому предаются почти исключительно состоятельные буржуазные классы, которые въ сущности и являются носителями и выразителями общественнаго мнѣнія. По крайней мѣрѣ, голосъ этого класса всегда раздается громче всѣхъ другихъ голосовъ и, конечно, производитъ соответствующее дѣйствіе. Какъ на примѣръ можно указать на отношеніе общества къ недавно возникшему въ Б. „обществу защиты несчастныхъ женщинъ“ (по образцу казанскаго).

Почти на другой день послѣ учредительскаго собранія къ секретарю и учредителю этого общества, пришла одна дѣвушка и со слезами умоляла помочь ей.

Она пріѣхала въ Б. искать заработка, но долго никакой работы найти не могла и дошла до того, что стала голодать. Этимъ воспользовался одинъ капиталистъ, подъ чужимъ именемъ познакомился съ ней и разными замачивыми обѣщаніями склонилъ къ сожителству. Прижатая нуждой, дѣвушка согласилась и чрезъ нѣсколько дней забеременѣла. Какъ только сожитель узналъ объ этомъ, такъ бросилъ ее, не сказавъ ей своего настоящаго имени. Она осталась безъ куска хлѣба. Къ довершенію всего беременность сопровождалась припадками тошноты и головокруженія, такъ что ни за какую работу она взяться не могла. А въ будущемъ предстояло рожденіе ребенка, который еще больше свяжетъ руки.

— Если вы не поможете, то мнѣ остается одно: наложить на себя руки!—заявила несчастная.

Начались поиски сожителя, которые, къ счастью,

увѣнчались успѣхомъ. Какъ только „псевдонимъ“ его былъ раскрытъ, такъ онъ тотчасъ согласился обезпечить будущаго ребенка. Между нимъ и дѣвушкой было рѣшено, что онъ дастъ ей 1.800 р. единовременно, она уѣдетъ въ свой родной городъ, тамъ въ пригородномъ селѣ купить маленькій клочекъ земли, устроить нѣчто въ родѣ фермы и будетъ жить продажей въ городѣ молока, масла, яицъ и проч. Условіе это тотчасъ же и было выполнено. Она получила деньги и уѣхала. Кажется лучшаго конца и ожидать нельзя, тѣмъ болѣе, что имя соблазнителя осталось въ тайнѣ. И тѣмъ не менѣе буржуазная часть общества сочла своей обязанностью забить въ набатъ. Въ дѣйствіяхъ учредителей эта часть общества увидѣла грозящую ей опасность.

— Это шантажъ!—не задумываясь рѣшили степенные буржуа.—Она сама виновата, она знала на что шла! Такъ всѣ захотятъ получить кушъ съ своихъ сожителей.

Ни обманъ, посредствомъ котораго „сожитель“ добился своего, ни то, что деньги были даны собственно не ей, а ея будущему ребенку, ни даже то, что этотъ господинъ, какъ выяснилось, ходить по гостиницамъ и ловить всѣхъ пріѣзжихъ,—ничто не останавливало негодованія возмущенныхъ буржуа. Они ничего знать не хотѣли, они только видѣли, что „общество“ вторгается въ ихъ обычный строй жизни и хочетъ пошатнуть устои свободной доселѣ купли-продажи человѣческаго тѣла.

Каковы формы этой купли-продажи, мы постараемся выяснитъ въ дальнѣйшемъ изложеніи

Пока же къ сказанному намъ остается добавить нѣсколько словъ.

Здѣсь взять одинъ только городъ, притомъ восточный, отчего и самыя явленія принимаютъ какъ бы исключительный характеръ.

На самомъ дѣлѣ ни этотъ городъ, ни самый

Востокъ не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Что касается дѣтской проституціи, то она распространена по всей Россіи. Максимъ Горькій, напримѣръ, описываетъ свою встрѣчу съ дѣвочкой проституткой въ Казани. Какъ на распространившееся уже зло газеты указываютъ на то же явленіе въ Москвѣ, въ Кіевѣ, въ Одессѣ. Мнѣ лично пришлось наблюдать дѣтскую проституцію въ Саратовѣ, въ Самарѣ, въ Кишиневѣ.

Всюду, въ этихъ мѣстахъ дѣтское тѣло терзается и эксплуатируется въ широкихъ масштабахъ.

Нѣсколько въ иномъ положеніи „мальчики“. Территориально и это явленіе распространено не менѣе широко. Петербургъ также не свободенъ отъ этого зла, какъ и Тифлисъ. Но въ Петербургѣ этотъ порокъ составляетъ привиллегию такъ называемыхъ высшихъ классовъ.

Тутъ, конечно, нѣтъ биржи, на подобіе Б—ой, а поэтому и спросъ ищетъ предложенія другими путями. Тутъ, напримѣръ, молодой чиновникъ прислуживается своей молодостью солидному сановнику, и дѣлаетъ, такимъ образомъ, карьеру.

Любители подобныхъ наслажденій тутъ такъ же извѣстны всѣмъ, какъ и на Востокѣ, и отношеніе общества къ нимъ таково же, какъ и тамъ. Имѣется даже и такой кружокъ людей, гдѣ указанный неестественный порокъ и другія его формы считается своего рода аристократизмомъ духа, признакомъ утонченности натуры.

Сводничество.

Несомнѣнно, что въ куплѣ-продажѣ человѣческаго тѣла огромную роль играютъ такъ называемыя сводни. Когда присмотришься къ ихъ дѣятельности во всѣхъ ея подробностяхъ, то невольно въ душу закрадываются и ужась, и удивленіе:

— Какъ много зла можетъ сдѣлать одинъ человѣкъ!

И тутъ же является вопросъ: а сколько зла приносятся всѣ они? Вотъ уже который годъ я изучаю эту сторону русской жизни, и съ каждымъ днемъ дѣйствительность поражаетъ меня все новыми и новыми фактами. Въ роли сводней выступаютъ мужья, братья, сестры, отцы, матери, зятья и посторонніе люди. По общественному положенію своему сводни стоятъ буквально снизу доверху. Сводню вы встрѣтите съ одной стороны въ лицѣ члена и даже старшины клуба, съ другой—въ лицѣ лакея самаго грязнаго кабака.

Явленіе это, само собой разумѣется, стоитъ въ прямой зависимости отъ выгоды этого ремесла, что въ свою очередь объясняется обиліемъ бѣшеныхъ денегъ въ извѣстныхъ классахъ, а также и обиліемъ пришлыхъ людей въ промышленныхъ центрахъ. Каждую весну со всѣхъ концовъ Россіи начинается приливъ рабочаго люда въ эти центры; всѣ пароходы и поѣзда желѣзныхъ дорогъ полны

пестрой массой, тутъ вы найдете людей всѣхъ профессій,—ихъ привлекаетъ слухъ о большихъ заработкахъ. Въ особенности эти волны людей сильно бьютъ къ такимъ центрамъ, какъ къ Баку, напимѣръ. Зарботки тамъ, дѣйствительно, лучше, чѣмъ въ Россіи, женскій трудъ также цѣнится довольно высоко,—но все же не настолько, какъ это думаютъ ищущіе заработковъ. А въ періоды кризиса въ Баку, пожалуй, хуже, чѣмъ гдѣ бы то ни было.— жизнь дорога, а заработковъ никакихъ. Но сѣрая масса никакого понятія о кризисахъ не имѣетъ; газетъ она не читаетъ и всецѣло полагается на изустныя легенды. А эти легенды съ фактами не стѣсняются. Какъ-то я возвращался съ Волги въ Баку. Въ это время кризисъ былъ въ полномъ разгарѣ. рабочихъ за счетъ казны отправляли на родину и тѣмъ не менѣе всѣ пароходы, идущіе въ Баку, были полны рабочимъ людомъ...

— Зачѣмъ вы ѣдите?—спрашивалъ я многихъ.— Въ Баку нѣтъ теперь работы.

— Говорятъ есть,—иронически отвѣчали мнѣ.

А на мои попытки объяснить положеніе дѣлъ въ нефтяной промышленности, мнѣ отвѣчали: „такъ, такъ“... Это значитъ: говори что хочешь, а мы знаемъ, что знаемъ.

Меня удивляло такое отношеніе къ моимъ попыткамъ разяснить положеніе вещей. Мнѣ казалось, что для всѣхъ моихъ спутниковъ это самый интересный вопросъ, вѣдь не могли же они не интересоваться вопросомъ: что ожидаетъ ихъ впереди? Однако, они и слушать не хотѣли меня и при первой возможности или заводили разговоръ на другую тему или же просто отходили отъ меня. Недоумѣнію моему не было конца,—но я очень скоро понялъ въ чемъ дѣло...

Какъ то разъ я сидѣлъ на кормѣ парохода и отъ нечего дѣлать провѣрялъ скорость его хода. Шагахъ въ пяти-шести отъ меня расположилась

кучка женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. Судя по костюму, это были горничныя, кухарки, няньки. Всѣ они сгруппировались вокругъ одной уже пожилой женщины, съ фіолетовымъ носомъ. Она имъ что то рассказывала про Баку.

— Я въ этой самой Бакѣ десять лѣтъ прожила и ни на какой Саратовъ еѣ не промѣняю. Тамъ тебѣ, первымъ долгомъ, всяческое уваженіе,—не то что ты хозяйкѣ угодить должна, а она тебѣ въ глаза смотритъ. Потому—что не такъ, сейчасъ: расчетъ подавайте... Мало-мальски, если ты кухарка понимающая, или горничная—двадцать пять рублей, отдѣльная тебѣ комната, кровать съ матрацомъ, камодъ и все прочее,—какъ у барыни такъ и у тебя. На базаръ ты пошла,—у тебя мало такъ рубль останется, а если ты съ умою то и больше. Вотъ и посчитай сколько оно будетъ. А къ праздникамъ—барыня тебѣ на шерстяное платье, баринъ—золотой въ пятнадцать рублей, бариновъ братъ, или еще кто, тоже подарки даетъ. А захотѣла ты прогуляться, только скажи: «барыня, я ухожу»,—и слова не посмѣть пикнуть: нельзя тамъ или еще что... Вотъ она какая Бака то!

Потомъ подобные рассказы я слышалъ не разъ, рассказчики такъ расписывали Баку, такіе картины рисовали своимъ слушателямъ, что этимъ послѣднимъ впереди рисовался какой-то рай для трудящагося человѣка,—нечего было и думать разувѣрить ихъ, что въ Баку не все такъ прекрасно, какъ расписываютъ рассказчики и рассказчицы.

Въ концѣ-концовъ у слушателей создается извѣстное настроеніе, въ которомъ мечты и радужныя надежды играютъ первенствующую роль. Впереди имъ представляются невѣроятно-выгодныя предложенія, какихъ нигдѣ въ другихъ мѣстахъ и ожидать нельзя. Это настроеніе, какъ нельзя болѣе, на руку своднямъ, оно уничтожаетъ недовѣріе къ фантастическимъ предложеніямъ, къ которымъ при-

ходится прибѣгать своднямъ, чтобы соблазнить намѣченную жертву. Ловля жертвъ начинается тутъ же на пристани, при высадкѣ приѣзжихъ въ Баку. Къ молодой дѣвушкѣ подходитъ разряженная барыня и предлагаетъ ей должность.

— Милая, не желаешь ли поступить на должность?—ласково начинаетъ барыня,—ты дѣвушка скромная, я давно такую искала. Ты у меня будешь за родную дочь, я тебѣ всякое удовольствіе предоставлю, ни въ чемъ стѣсненія не потерпишь,—ужь останешься довольна! Никакой работы тебѣ не будетъ, какъ только при мнѣ находиться будешь, въ родѣ родной дочери. А жалованіе, какое хочешь положу.

Какъ ни дико такое предложеніе, однако оно не наводитъ дѣвушку ни на какія сомнѣнія. Вѣдь ей еще дорогой говорили, что именно такъ и будетъ, такъ что предложеніе „богатой барыни“ является прямымъ продолженіемъ тѣхъ чудодѣйственныхъ разсказовъ, какими заслушивалась дѣвушка на пароходѣ. Она видитъ что мечты, навѣянные этими разсказами, сбываются,—и принимаетъ предложеніе барыни. Дальше все такъ и идетъ, какъ говорила барыня. Дѣвушку приводятъ въ „богатый домъ“ и помѣщаютъ въ хорошенькой комнаткѣ съ кокетливымъ убранствомъ.

— Такъ, какъ будто въ рай я попала,—разсказывала мнѣ одна несчастная.—Комнатка—игрушечка, вся въ кружевахъ, да атласомъ убрана, ковры, кровать съ кисейными занавѣсками. И во снѣ я этого никогда не видала.

Техника насилія.

А на другой день въ этомъ домѣ надъ нею произвели возмутительное насиліе. Разказъ этой дѣвушки у меня записанъ былъ тогда же во всѣхъ подробностяхъ, такъ какъ по моему мнѣнію онъ представляетъ большую цѣнность для судебного персонала, которому приходится опредѣлять признаки изнасилованія. Дѣло въ томъ, что среди юристовъ криминалистовъ существуетъ не безосновательное убѣжденіе, что изнасилованіе женщины для одного мужчины фактически не возможно, если женщина не приведена въ безсознательное состояніе тѣмъ или инымъ способомъ, или же если она не пошла на встрѣчу желаніямъ мужчины. Далѣе установлено, какъ говорятъ эти криминалисты, что для изнасилованія недостаточно одного пособника, а нужно не менѣе двухъ. Все это, пожалуй вѣрно, если считать изнасилованіемъ только самый моментъ растлѣнія. Больше того, если женщина не приведена въ болѣзненное или безсознательное состояніе, и если она находится только вдвоемъ съ женщиной, то можно навѣрно сказать, что она отдалась сама, послѣ извѣстной болѣе или менѣе долгой борьбы, но отдалась и даже со страстью. И тѣмъ не менѣе я настаиваю на томъ, что указанные выше криминалисты ошибаются; одинъ мужчина безъ всякихъ пособниковъ можетъ изнасиловать жен-

щину или дѣвушку, если она достигла полной зрѣлости. Дѣло въ томъ, что борьба этого рода мужчины съ женщиной въ концѣ концовъ приводитъ женщину, а въ особенности дѣвушку, въ такое состояніе, какъ будто ей дали какое либо сильно дѣйствующее возбуждательное. Я назвалъ бы это состояніе половымъ аффектомъ, такъ какъ дѣвушка при этомъ совершенно не владѣетъ собой и отдается въ сущности безсознательно. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ та дѣвушка, о которой я говорилъ выше.

— На другой день по пріѣздѣ у хозяйки были гости, все молодые люди. Я была тутъ же съ ними, они были такіе ласковые, все спрашивали меня про мою родину, про родныхъ. Пили кофе, одинъ молодой человѣкъ влилъ мнѣ въ чашку рюмку ликеру... Тогда я не знала что это такое, послѣ уже узнала, что это ликерь... Я выпила, онъ сталъ упрашивать чтобы я еще выпила, но мнѣ показалось не вкусно съ ликеромъ, и я отказалась. За ужиномъ меня упростили выпить два стакана какого-то красного вина, у меня въ головѣ немного затуманилось, и я больше не стала пить, какъ меня не упрасивали. Послѣ ужина хозяйка сказала, чтобы я шла спать. Я ушла, сейчасъ же раздѣлась и легла. Тутъ онъ и пришелъ,—и раздѣтый. Я такъ и ахнула, а онъ прямо ко мнѣ. Это былъ тотъ самый, который упростилъ меня выпить кофе съ ликеромъ. За ужиномъ онъ мнѣ нравился: такой любезный, а тутъ у меня такая злоба поднялась, что я, какъ только онъ подошелъ, со всего размаха ударила его по лицу. А онъ обнялъ меня и прижалъ къ себѣ. Я его бью, за волосы дергаю, кусаю въ плечо, а онъ все обнимаетъ меня да цѣлуетъ и весь горячій такой, какъ огонь, такъ и пышетъ отъ него... Потомъ я не знаю, что со мной случилось, какъ будто этотъ жаръ изъ него въ меня вошелъ, я тоже стала горячая вся, такъ и палитъ отъ меня. Кусаю

его, отбиваюсь, царапаюсь, а самой какъ будто пріятно стало и жалко его. И ужъ не знаю какъ это случилось, только кусала кусала я его да и поцѣловала. А потомъ обняла и прижала къ себѣ.

Поцѣловала и даже обняла, а потомъ и отдалась, и даже со страстію. Этого, при извѣстномъ взглядѣ на фактъ, пожалуй, достаточно, чтобы считать молодого человѣка „по суду“ оправданнымъ,—но развѣ этотъ взглядъ можно считать правильнымъ? Развѣ тутъ не было насилія? Правда, насиліе совершалось не въ тотъ моментъ, который обыкновенно берется для установленія факта преступленія, но оно было,—минутой раньше, но было... И отъ этого преступленіе нисколько не умаляется, такъ какъ потерпѣвшая путемъ насильственной и продолжительной близости съ мужчиной была приведена въ состояніе полового аффекта, когда перестала владѣть собой, чѣмъ и воспользовался насильникъ. Господамъ криминалистамъ на этотъ способъ изнасилованія слѣдовало бы давно обратить вниманіе. Онъ весьма распространенъ. На этотъ счетъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Заинтересованный этимъ случаемъ, я въ теченіе истекшихъ съ тѣхъ поръ 5 лѣтъ произвелъ болѣе 100 опросовъ, пользуясь различными случаями. И вездѣ, въ Москвѣ, въ Батумѣ, въ Омскѣ, въ Саратовѣ, въ Самарѣ, въ Кіевѣ, въ Петербургѣ, опрошенныя женщины одинаково заявляли, что продолжительная борьба съ мужчиной, въ особенности если и тотъ и другая раздѣты и соприкасаются почти голымъ тѣломъ,—приводитъ женщину въ состояніе полового возбужденія, которое почти невозможно преодолѣть.

Насильникъ, какъ видите, оказывается уже не одинъ. Женщинѣ приходится преодолѣвать еще и собственное, вызванное насиліемъ возбужденіе.

А между тѣмъ примѣняющіе это насиліе остаются безнаказанными, такъ какъ слѣдственная власть

въ такихъ случаяхъ обыкновенно становится на сторону обвиняемаго, и дѣло идетъ на прекращеніе. И это понятно. Съ одной стороны существуетъ убѣжденіе, что одинъ мужчина не можетъ изнасиловать,—а съ другой какая нибудь деревенская дѣвушка именно говоритъ, что такой то человѣкъ изъ общества, будучи съ ней вдвоемъ, изнасиловалъ ее. У слѣдователя весьма естественно является вопросъ:

— Какъ это случилось?

— Сначала кусалась, царапалась, а потомъ...

— Такъ значить ты сама согласилась?

— Нѣтъ, я кусалась, царапалась, а онъ все обнималъ...

— Но потомъ ты сама?

— Да...

Таковъ получается сухой слѣдственный матеріалъ, и такимъ образомъ онъ въ огромномъ большинствѣ и долженъ быть, такъ какъ простая деревенская дѣвушка,—а это случается въ огромномъ большинствѣ именно съ простыми деревенскими обитательницами,—такая дѣвушка не только не въ состояніи передать слѣдователю всѣхъ тонкостей своего психическаго перелома во время насилія, но и сама то не понимаетъ, что съ ней случилось, какъ она отъ злобы перешла къ страстному увлеченію?

Слѣдственный матеріалъ, данный самой потерпѣвшей, дополняется еще обвиняемымъ.

— Какъ это случилось?

— Ужинали, потомъ пили ликеръ,—презрительно говоритъ обвиняемый,—ну, и потомъ пошли въ ея комнату.

— Чѣмъ же вы объясняете ея жалобу?

— Шантажъ, конечно, что же больше?

Въ концѣ концовъ у обвиняемаго все выходитъ и логично, и согласно съ укоренившимся взглядомъ на насиліе. Онъ былъ одинъ съ дѣвушкой,

слѣдовательно физически не могъ изнасиловать. Она пила съ нимъ ликеръ и сама же сознается, что поцѣловала и обняла... Гдѣ же тутъ насиліе? Ясное дѣло—шантажъ. И дѣло идетъ на прекращеніе.

Можетъ быть привлечена къ отвѣтственности хозяйка „за сводничество“, но это не опасно, такъ какъ наказаніе тутъ пустячное, всего до ста рублей штрафа. А такъ какъ отвѣтить приходится изъ сотни за одну, то наказаніе это совершенно теряетъ свое значеніе. Законъ, очень строго охраняющій цѣломудріе женщинъ, оказывается на практикѣ безсильнымъ, почти мертвымъ. Насиліе совершается почти каждый день, а кару несетъ едва-ли въ годъ одинъ. Все это чрезвычайно благоприятствуетъ ремеслу сводни, все это даетъ возможность дѣйствовать смѣло, почти открыто, на широкую ногу. Домъ сводни и ея ремесло извѣстны всѣмъ любителямъ, она устраиваетъ аукціонъ или лоттерейю на цѣломудріе, она продаетъ дѣвушку открыто въ шумной компаніи за шампанскимъ, со смѣхомъ и издѣвательствомъ надъ наивною дѣвушкой. Она въ безопасности, такъ какъ служитъ богатымъ, сильнымъ людямъ, во всѣхъ отношеніяхъ правоспособнымъ, могущимъ постоять за себя,—а ихъ обвинительницами могутъ явиться только наивныя дѣвушки. Какое же можетъ быть сомнѣніе, на чьей сторонѣ останется побѣда? Какъ бы въ подтвержденіе этого мнѣнія въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ городахъ появилась новинка: семейные вечера.

Семейные вечера ¹⁾.

Какъ то года четыре назадъ одинъ мой знакомый показываетъ мнѣ карточку и говорить:

— Вотъ, посмотри!

Я взялъ.

На карточкѣ стояло знакомое мнѣ имя бывшего конторщика, получавшаго 40 рублей въ мѣсяць. Онъ уже около двухъ лѣтъ былъ безъ дѣла и безъ средствъ къ существованію. И вотъ этотъ-то человекъ отъ своего имени и отъ имени своей супруги приглашаетъ моего знакомаго на „семейный вечеръ“, съ картами, съ танцами, съ шампанскимъ...

— Что это значитъ?

— А это, братъ, интересная вещь!—отвѣтилъ мнѣ мой—пріятель.—Вотъ этотъ самый господинъ пріѣхалъ сюда не то изъ Греціи, не то изъ Италіи, а можетъ быть и поближе откуда, — только пріѣхалъ онъ съ непремѣннымъ и твердымъ желаніемъ „человѣкомъ“ сдѣлаться. Сначала онъ поступилъ конторщикомъ, рассчитывая примазаться къ какойнибудь покупкѣ или продажѣ,—но это ему не удалось, очень ужъ много желающихъ у насъ на эти дѣла. Потомъ онъ пробовалъ заняться комиссіонерствомъ, но и это ему не понравилось. Комиссіонер-

¹⁾ Рѣчь идетъ объ одномъ изъ крупныхъ центровъ юга Россіи.

ство у насъ занятіе выгодное, но требуетъ выдержки и настойчивости, потому-что тутъ все основано на медленномъ расширеніи круга кліентовъ. Да и время для комиссіонерства не подходящее—кризисъ вездѣ мертвую зыбь установилъ. Вотъ онъ и напалъ на простую мысль. Въ крупныхъ центрахъ много маменькиныхъ и папенькиныхъ сынковъ, которые не прочь бросить сотню рублей, чтобы провести вечеръ въ культурномъ обществѣ и въ тоже время всяческое удовольствіе получить, ни въ чемъ себя не стѣснять. Словомъ, требуется соединеніе эстетики съ полной распушенностью. Обычная покупка любви—это слишкомъ просто, откровенно и не оставляетъ мѣста никакой иллюзии:

— Купилъ любви на столько то рублей, вступилъ во владѣніе, хотя-бы съ злоупотребленіемъ,— что тутъ интереснаго, а тѣмъ болѣе заманчиваго?—

Другое дѣло, если вы, напримѣръ, попали на какойнибудь семейный вечеръ, познакомились тамъ съ интересной дамочкой или дѣвицей, проговорили съ ней цѣлый вечеръ, потомъ поѣхали ее провожать и какъ-то само собой заѣхали въ отдѣльный кабинетъ ресторана поужинать. Все вѣдь это такъ естественно и дальше простой эксцентричности не заходитъ—эксцентричности весьма милой, заманчивой, но ни въ какомъ случаѣ не грубо-циничной!

Въ кабинетѣ, опять таки, какъ-то само собой оказывается, что вы какъ нельзя болѣе дополняете другъ друга, понимаете съ полуслова и жалѣете только, что не встрѣтились раньше.

Словомъ, завязывается то, что называется интрижкой,—обѣ стороны чувствуютъ повышенное біеніе пульса жизни, обоюдно наслаждаются, наполняютъ пустоту времени и отдѣляются отъ скуки.

Конечно, такая интрижка можетъ завязаться и случайно, но случая нужно ждать,—при томъ же онъ можетъ быть и не быть.

— А представьте себѣ, что есть такое мѣсто, „семейный“ домъ, въ которомъ всегда можно найти десятка два молоденькихъ дамочекъ, какъ нельзя лучше приспособленныхъ къ интрижкѣ, милой, блестящей, остроумной, возбуждающей, Это, такъ сказать, магазинъ любви, всегда и для всѣхъ открытый, блестяще и прилично обставленный и вполне удовлетворяющій современнымъ вкусамъ. Нужно вамъ нѣсколько приподнять себя, встряхнуться отъ сытой, ничѣмъ не наполненной жизни, вы приходите въ „магазинъ“ и присматриваетесь. Тутъ есть и истерички, способные расшевелить самага пресыщеннаго человѣка, есть и молоденькія, навныя дѣвушки, принимающія каждое слово за правду, каждый предметъ, какъ онъ есть. Что вамъ нужно, то и выбирайте,—всѣ сюда пришли за тѣмъ-же, зачѣмъ и вы, всѣ желаютъ того-же, только каждый выбираетъ по своему вкусу. Это не покупка женщины мужчиной,—нѣтъ, женщины тутъ тоже дѣлаютъ выборъ по своему вкусу. Но вѣдь это-то и нужно, это-то и дорого, въ этомъ то и заключается разница между „веселымъ домомъ“ и „семейнымъ домомъ“. Тамъ вы получаете купленную вещь и только,—а тутъ вы знаете, что не только вы выбрали, но и васъ предпочли. Словомъ, тутъ вполне возможно взаимное увлеченіе, возможно начало болѣе или менѣе продолжительной связи съ порядочной женщиной, равной вамъ по уму, образованію и развитію вкусовъ. Возможна любовь. Съ другой стороны, женщина находитъ тутъ весьма многое, чего она не найдетъ въ другомъ мѣстѣ. Возьмите, на примѣръ, женщину, мужъ которой получаетъ ограниченное содержаніе. Жизнь такой женщины—сѣренькая, монотонная. А она, между тѣмъ, чувствуетъ и сознаетъ, что и по красотѣ и по уму она могла бы занять мѣсто въ первыхъ рядахъ общества. Она можетъ увлекать и способна сама увлекаться, а въ удѣлъ ей дано—усчитываніе

грошей и расположеніе сѣренькаго человѣчка, ея— мужа. Такая женщина въ „семеиномъ домѣ“ найдеть все, что ей нужно.

— Вѣдь прежде, чѣмъ оцѣнить что нибудь, мы должны видѣть это „что нибудь“. Значить ей нужно *такое мѣсто*, гдѣ бы ее могли видѣть „цѣнители“. Такимъ мѣстомъ и является „семеиный домъ“. Тамъ она можетъ показать себя всѣмъ желающимъ и въ свою очередь найти для себя то, что ей *нужно*, то есть, взять не перваго встрѣчнаго, а наиболѣе подходящаго. Требованія въ данномъ случаѣ могутъ быть самыя разнообразныя, что въ свою очередь обезпечиваетъ спросъ на всѣхъ почты мужчинъ. Старикъ можетъ быть избранъ за его скромность, молодой—за его пылъ и свѣжесть и т. д.

Таковъ планъ учредителя „семеинаго дома“. И онъ разсчиталъ вѣрно, безъ ошибки. Дѣла у него сразу пошли бойко. На вечера являлось самое разнообразное общество. И нужно отдать справедливость учредителю, онъ умѣло дѣлалъ подборъ своимъ гостямъ. Тутъ были только тайно вождельющія, но не скомпрометировавшія себя явной продажной связью. Содержанки, напимѣръ, на вечера не допускались, но допускались замужнія дамы, имѣющія богатаго друга дома. Отъ мужчинъ требовалось только, чтобы они были по внѣшности приличны, поведеніе ихъ внѣ стѣнъ „семеинаго дома“ не принималось во вниманіе. На первый взглядъ вечера „семеинаго дома“ ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ вечеровъ или баловъ въ буржуазныхъ домахъ: въ залѣ танцевали, въ кабинетѣ хозяина играли въ карты, въ гостиной и будуарѣ хозяйки сидѣли парочки въ уютныхъ уголкахъ,—всѣ вели себя прилично, корректно. Но всмотрѣвшись хорошенько, вы начинаете замѣчать, что въ группировкѣ парочекъ есть какая-то особенность. Вы видите, что старичекъ непременно усаживается съ юной дѣвицей въ учениче-

ской формѣ, перезрѣлая дама со средствами въ свою очередь сидитъ въ уголкѣ съ юнцомъ лѣтъ 19—20-ти. Далѣе, около подвижной истерической женщины лѣтъ 27-ми сидятъ трое мужчинъ лѣтъ за сорокъ,—но вотъ она взяла одного подъ руку и ушла въ сосѣдную комнату. Черезъ полчаса эта пара покидаетъ „вечеръ“. Это значитъ, что выборъ сдѣланъ, а продолженіе будетъ уже внѣ стѣнъ „семейнаго дома“. Такимъ образомъ въ теченіе вечера покидаютъ домъ до десяти паръ. Эти пары не возвращаются болѣе или менѣе продолжительное время, именно до тѣхъ поръ, пока завязавшаяся „интрижка“ не прервется такъ или иначе. Поэтому хозяинъ строго слѣдитъ за уѣзжающими парами и въ передней прощаясь съ кавалеромъ, проситъ „одолжить“ ему извѣстную сумму, смотря по состоянію кліента. Счастливымъ своей побѣдой кліентъ, обыкновенно, съ удовольствіемъ исполняетъ просьбу хозяина. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ такими просьбами хозяинъ обращается не къ кавалеру, а къ дамѣ. Это значитъ, что собственно, кліентомъ онъ считаетъ даму, а кавалеръ фигурируетъ уже въ роли предмета, на который предъявленъ спросъ. Какъ это не печально, а приходится сознаться, что иногда перезрѣлыя дамы увозятъ съ собой, въ качествѣ „проводящихъ“, учащихся старшихъ классовъ.

Въ общемъ, зимній сезонъ для „семейнаго дома“ закончился блестяще, предприимчивые супруги скопили порядочный кушъ и на лѣто предполагали перенести поле дѣятельности куда нибудь на воды.

Тамъ они рассчитывали устраивать прогулки въ горы, пикники, танцы на открытомъ воздухѣ. Они полагали, что лѣтняя нѣга и праздность „водяныхъ“ обитателей значительно расширитъ кругъ ихъ кліентуры. Зимніе ихъ вечера посѣщали, такъ сказать, съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ, а на водахъ въ кругъ ихъ кліентовъ могутъ попадать и безъ

умысла, отъ скуки, случайно, или подъ вліяніемъ „ликующей природы“.

Планъ, какъ видите, и на лѣто составленъ въполнѣ правильно и ничто не мѣшаетъ его успѣху. На Кавказскихъ минеральныхъ водахъ, да и вообще въ курортахъ нравы и безъ того легкіе, а если туда внести еще нѣкоторую организацію, — то начнется настоящая викханалія „любви“. Таковъ „семейный домъ“. Какое вліяніе и значеніе онъ имѣетъ и будетъ имѣть въ будущемъ, полагаемъ излишне говорить. Скажемъ только, что онъ разрушаетъ единственную преграду, которая еще способна удерживать празде буржуазное общество на пути нравственности. Преграда эта заключалась въ необходимости считаться съ приличіями, въ боязни обнажить передъ обществомъ свои пороки. „Семейный домъ“, какъ нельзя лучше, приходитъ на помощь „вождедѣлющимъ“, но не дерзающимъ. Онъ даетъ возможность дѣлать выборъ, не попадая въ такія мѣста, одно появленіе въ которыхъ считается позорнымъ. Учредители „семейнаго дома“ это имѣютъ въ виду и стараются, чтобы у нихъ прежде всего было все прилично. На вечерѣ можно только познакомиться, но ни въ какомъ случаѣ не доходить до фамильярности, даже самый легкій флиртъ не поощряется, хотя и не возбраняется. Такая постановка „дѣла“ съ одной стороны поощряетъ даже самыхъ робкихъ кліентовъ, а съ другой гарантируетъ безопасное существованіе и самому „семейному дому“, ограждая его отъ вмѣшательства врачебно полицейскаго надзора.

Послѣ я имѣлъ случай убѣдиться, что такіе и подобные „семейные дома“ существуютъ почти во всѣхъ крупныхъ городахъ Россіи. Для сытой и пресыщенной буржуазіи это учрежденіе, очевидно, становится повсемѣстно необходимымъ. Комфортъ жизни владѣльцевъ капитала былъ бы не полонъ безъ этого учрежденія.

Мужъ въ роли сводни.

Мужъ въ роли сводни выступаетъ весьма часто и вездѣ, не только по всей Россіи, но и во всемъ мірѣ, при чемъ продажа жены производится въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, просто за деньги, за „протекцію“, за повышеніе по службѣ и пр. Иногда въ этомъ сама жена идетъ на встрѣчу желанія мужа, иногда же ее къ этому принуждаютъ, хотя послѣднее бываетъ исключительно въ низшихъ невѣжественныхъ слояхъ общества.

Въ практикѣ одного „общества защиты несчастныхъ женщинъ“ извѣстенъ одинъ случай, когда мужъ въ продолженіе 9 лѣтъ истязаніями вынуждалъ у жены согласіе на продажу ея желающимъ. Онъ даже отдавалъ ее въ аренду одному татарину и правильно получалъ съ арендатора условную плату.

Женщина освободилась отъ этой ужасной кабалы только на десятый годъ сожительства; она подала прошеніе на Высочайшее имя о выдачѣ ей отдѣльнаго вида на жительство, а сама поступила въ убѣжище „общества защиты несчастныхъ женщинъ“. Но это единичный случай упорнаго протеста со стороны жены. Какъ общее же правило—жена или предупреждаетъ желаніе мужа торговать ею, или же покорно соглашается съ мужемъ. Первое чаще бываетъ въ культурной части общества,

второе—въ средѣ мелкихъ служащихъ и рабочихъ. По существу мотивы сводничества и тамъ и тутъ одинаковы—это въ огромномъ большинствѣ желаніе выдвинуться по службѣ. Разница только въ томъ, что первые болѣе или менѣе умѣло прикрываютъ свои грѣхи, а вторые дѣйствуютъ открыто, иногда даже совѣтуются съ товарищами, какъ имъ поступить. Въ К—вѣ былъ на примѣръ, такой случай. На дворѣ завода—крупнѣйшей фирмы стоятъ главный управляющій и недавно поступившій дворовый приказчикъ; первый отдаетъ какія-то приказанія второму. Въ это время мимо нихъ проходить молоденькая женщина.

— Г-мъ, недурна! — бросилъ какъ бы въ сторону управляющій.—Откуда такая взялась?

— Это моя жена!—радостно улыбаясь, говорить приказчикъ.

— Не дурна, не дурна!

Съ этими словами управляющій ушелъ. Приказчикъ рассказалъ о „случаѣ“ своимъ товарищамъ и просилъ совѣта: какъ ему быть? Отвѣтъ товарищей былъ, какъ нельзя болѣе рѣшительный.

— Счастье тебѣ въ ротъ лѣзетъ, а ты спрашиваешь! Веди! Сегодня же послѣ обѣда и веди! Матеріальнымъ назначить.

Получить мѣсто матеріальнаго приказчика — мечта всякаго полуграмотнаго служащаго. Тутъ онъ имѣетъ возможность нажиться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Случается, что матеріальные приказчики въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ скапливаютъ 8—10 тысячъ рублей при жалованіи въ 50—70 руб. въ мѣсяцъ. Пробыть 2—3 года на должности матеріальнаго приказчика—значить нажить состояніе, въ особенности, если фирма крупная. Отсюда понятно, какой соблазнъ представляютъ изъ себя слова: „матеріальнымъ назначить“. И вотъ мужъ ведетъ свою жену къ управляющему во время послѣ-обѣденнаго отдыха. Супруги при-

ходятъ и робко останавливаются въ передней. У обоихъ у нихъ сердце замираетъ, у обоихъ одинъ вопросъ на умѣ. Удастся или не удастся?

Приметь жертву или отвергнетъ?

— Что вамъ? — спрашиваетъ лакей.

— Нужно видѣть управляющаго по интересующему его дѣлу, — отвѣчаетъ супругъ.

Лакей сообщаетъ въ чемъ дѣло и докладываетъ.

Черезъ минуту супругъ въ спальнѣ управляющаго.

— Что тебѣ?

— Моя супруга васъ видѣть желаетъ.

— Это та самая, которая давеча по двору шла.

— Они-съ самыя.

— Ну пошли ее сюда, а самъ тамъ подожди или иди домой.

Супругъ идетъ въ переднюю и указываетъ женѣ дорогу, а самъ остается въ сосѣдней комнатѣ.

Двѣ три минуты ожиданія, какъ вдругъ изъ спальни раздается крикъ управляющаго.

— Вонъ отсюда, неряха! Вонъ!

Вечеромъ инцидентъ обсуждался всѣми служащими завода и всѣ ругали приказчика.

— Дуракъ ты, дуракъ! Ты долженъ былъ самъ осмотрѣть, чтобы было все въ аккуратѣ! Не къ чернорабочему ведешь!

Приказчикъ не протестовалъ и не возражалъ онъ и самъ вполне сознавалъ, что упустилъ рѣдкостный случай сдѣлать свое счастье. Не менѣе его сокрушалась и супруга; но ея положеніе было еще хуже, она должна была выносить упреки мужа и насмѣшки своихъ подругъ. Осмѣивалась, собственно, не попытка продать себя, а то, что эта попытка не удалась.

— Наткнулась! Хорошо принялъ! Небось, лбомъ всѣ двери отворила.

Случай этотъ характеренъ во всѣхъ отноше-
ніяхъ.

Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются нравы заводской челяди, непосредственно, стоящей надъ рабочимъ. Челядь эта готова исполнить всѣ желанія управляющаго, и всякое требованіе съ его стороны считаетъ законнымъ, каково-бы оно ни было. Каково приходится рабочимъ отъ подобныхъ приставниковъ, мы не будемъ говорить, такъ какъ это увело бы насъ въ сторону отъ поставленной нами цѣли.

Само собой разумѣется, что не всѣ мужья такъ предупредительны и не всѣ жены такъ податливы. Какъ и во всякомъ правилѣ, и тутъ есть исключенія, но довольно рѣдкія. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, такихъ „исключеній“ извѣстно только два. Въ одномъ случаѣ приказчикъ не согласился раздѣлить свои супружескія права съ бухгалтеромъ, а въ другомъ жена токаря ушла отъ своего мужа, послѣ того, какъ онъ вошелъ въ сдѣлку относительно нея съ управляющимъ фабрикой (это было въ Т-и). Въ первомъ случаѣ — приказчикъ былъ уволенъ отъ должности, а во второмъ пробовали вернуть жену къ супружескимъ обязанностямъ чрезъ полицію—но это не удалось.

Былъ и еще одинъ случай, когда оба супруга возмутились „предложеніемъ“ управляющаго, но тутъ супруги были люди интеллигентные. Оба они пріѣхали изъ Петербурга, онъ поступилъ бухгалтеромъ на заводъ (въ С—вѣ), а она практиковала какъ фельдшерица. Управляющій обратился съ своимъ предложеніемъ къ женѣ, но безуспѣшно. Тогда онъ сталъ дѣйствовать на мужа, то преслѣдуя его разными придирками, то обѣщая повышение по службѣ. Супруги въ концѣ концовъ такъ были обезкуражены, что бросили службу и уѣхали обратно въ Петербургъ.

Больше я не знаю ни одного случая серьезнаго

недоразумѣнія. Это, конечно, не значитъ, что подобныя недоразумѣній не бываетъ. Они есть, но рѣже случаются въ такой средѣ, какъ фабричная и заводская администрація, куда собственно и направляютъ свое вниманіе владѣльцы капитала.

На этотъ счетъ у меня имѣется достаточно обширный матеріалъ, изъ котораго я воспользуюсь тутъ указаніемъ на одно обстоятельство.

Въ одинъ изъ періодовъ моей жизни мнѣ пришлось работать въ газетѣ, издающейся въ крупномъ промышленномъ центрѣ. Моимъ амплу было—обозрѣніе мѣстной жизни, что всегда вызываетъ получение писемъ отъ обывателей. Такихъ писемъ въ теченіе 4 лѣтъ я получилъ не менѣе 3000. И въ числѣ 3000 сообщеній было только три, въ которыхъ говорилось о недоразумѣніяхъ между мужемъ и хозяйномъ, вождѣвшимъ къ женѣ служащаго. Можно, конечно, подумать, что явленіе это вообще рѣдкое и исключительное.

Но я долженъ сказать, что тѣ же письма дали мнѣ возможность произвести нѣкоторый подсчетъ.

Такъ по поводу вышеописаннаго случая съ приказчикомъ я написалъ фельетонъ.

На другой же день ко мнѣ стали поступать письма, въ которыхъ говорилось, что неудача приказчика—явленіе исключительное, что, обыкновенно, такія операціи съ женами, какъ нельзя лучше, удаются. Въ подтвержденіе этого мнѣнія въ каждомъ письмѣ приводилось нѣсколько фактовъ, отъ двухъ до семи.

Въ теченіе 9 дней такихъ писемъ мною получено 17, заключающихъ въ себѣ 69 фактовъ продажи женъ.

Группируя эти факты по роду занятій продавцовъ и покупателей, мы получимъ слѣдующую таблицу.

Пр о д а л и.	К у п и л и.							В с ъ.
	Хозяева.	Директора.	Управл.	Помощн. управл.	Бухгалтеры.	Механики.	Мастера.	
Управляющіе . . .	1	—	—	—	—	—	—	1
Ихъ помощники . .	—	1	2	—	—	—	—	3
Бухгалтеры . . .	1	1	—	—	—	—	—	2
Механики	—	3	6	2	1	—	—	12
Мастера	1	—	8	4	—	—	—	13
Двор. приказч. . .	—	—	10	6	3	—	—	19
Конторщики	—	—	3	—	6	—	—	9
Рабочіе	—	—	2	1	—	3	4	10
Итого	3	5	31	13	10	3	4	69

Такимъ образомъ, въ качествѣ продавцовъ первое мѣсто занимаютъ дворовые приказчики, продавшіе 19 женъ, на второмъ мѣстѣ стоятъ мастера съ 13 женами, на 3-мъ механики—12 ж., на 4-мъ рабочіе—10 ж., на 5-мъ конторщики—9, на 6-мъ помощники управляющихъ—3, на 7-мъ—бухгалтеры—2 и на послѣднемъ управляющіе—1.

Купили: управляющіе—31, ихъ помощники—13, бухгалтеры—10, директора—5, мастера—4, хозяева 3, механики 3.

Эти послѣднія цифры показываютъ что на число покупокъ меньше вліяла покупная способность той или иной категоріи лицъ, чѣмъ служебное положеніе покупателя и зависимость отъ него продавца.

Управляющіе, какъ непосредственно стоящіе у дѣла, первенствуютъ, при чемъ наибольшее число покупокъ совершаютъ у дворовыхъ приказчиковъ, какъ людей особенно жаждущихъ движенія по службѣ.

Точно также рабочіе продають по преимуществу мастерамъ и механикамъ отъ которыхъ зависятъ дать или не дать выгодную отрядную работу.

Продають они и управляющимъ и ихъ помощникамъ, это уже въ надеждѣ самимъ сдѣлаться мастерами.

Словомъ, на сдѣлки вліяють по преимуществу непосредственность и зависимость отношеній вступающихъ въ сдѣлку сторонъ. Мы могли бы, конечно, дать болѣе подробное и детальное объясненіе всѣхъ цифръ, обратившись къ первоисточнику, но считаемъ это не удобнымъ, такъ какъ это можетъ повести къ обнаруженію лицъ, о которыхъ идетъ рѣчь, чего мы отнюдь не желаемъ. Да это и лишнее, такъ какъ побудительныя причины продажи, выставленныя въ письмахъ въ общемъ тѣ же, какія получаютъ путемъ выводовъ изъ комбинаціи цифръ.

Что касается распространенности этого явленія, то оно въ прямой зависимости отъ заманчивости тѣхъ перспективъ, какія сулитъ судьба продавцу, если онъ поступится на время своими супружескими правами. Способствуетъ этому также и самый составъ населенія, имѣющей значительную примѣсь бродячаго ни къ чему не приспособленнаго люда, пріѣзжающаго въ промышленные центры искать счастья.

Жажущіе случая.

Живетъ человѣкъ, гдѣ нибудь въ своемъ мѣстѣ и не можетъ себя приспособить ни къ какому легкому дѣлу.

Ему или ничего не выходитъ или же выходитъ мѣсто писца съ жалованьемъ въ 12 рублей въ мѣсяцъ. Аппетитъ же у него рассчитанъ на большіе корма,—вотъ онъ и ѣдетъ въ ближайшій крупный промышленный центръ буквально искать счастья. У него нѣтъ никакого плана, ни на что опредѣленное онъ не рассчитываетъ, а просто ѣдетъ съ мыслью:

— Авось, тамъ мое счастье!

А „счастье“ такому человѣку только и можетъ выйти лишь въ томъ случаѣ, если будетъ предъявленъ спросъ на его совѣсть. Къ этому онъ, въ сущности, безсознательно и готовится, перебирая въ умѣ всѣ возможные случаи, какіе могутъ представиться по пріѣздѣ на мѣсто. (Такой типъ російскаго человѣка, между прочимъ, прекрасно обрисованъ у Глѣба Успенскаго).

— Случай только не нужно упускать! — говорилъ мнѣ одинъ изъ такихъ искателей счастья. — А счастье для cadaго человѣка припасено, только трудно его поймать. Вотъ я шестой годъ бьюсь здѣсь (на одномъ изъ уральскихъ заводовъ), все испробовалъ, всѣ мышинныя норки изрылъ, — все

ничего не выходить. А вотъ мой товарищъ, — вмѣстѣ мы съ нимъ пріѣхали, — въ первый же годъ свое счастье нашель...

Такъ, вотъ, оно само въ руки влѣзло, и не думалъ и не гадалъ человѣкъ. Дворовымъ приказчикомъ поступилъ, собаку хозяйскую, можно сказать, изображалъ и ужъ хотѣлъ бросать мѣсто, а случай-то тутъ какъ разъ и подошелъ. А и дѣло то все смѣху подобно. Провожаетъ онъ какъ то управителя до воротъ, и проходятъ они мимо оконъ квартиры этого самаго моего пріятеля. А у окна-то такъ, отъ нечего дѣлать, жена его сидитъ, молоденькая бабенка.

Управитель ненарокомъ взглянулъ на нее, а она какъ водитси, и глаза опустила. А управитель то, нужно вамъ сказать, подъ хмѣлькомъ немного былъ, его это самое и задѣло за живое, онъ и говоритъ приказчику: „Двадцать пять рублей тебѣ въ зубы, если ты эту самую мнѣ въ слѣдующій мой пріѣздъ представишь“.

— Слушаю, баринъ! — отвѣтилъ тотъ ему.

— Только ты смотри, разузнай хорошенько, какъ она... чтобы не было чего!

— Не сомнѣвайтесь, баринъ, я ее хорошо знаю, все будетъ въ порядкѣ.

— Кто она такая?

— Моя законная жена.

Управитель сначала послѣ этого немного смутился, ну, а потомъ ничего, ему даже понравилось это.

— Молодецъ! — говоритъ — такъ и надо, чтобы на чистоту было.

— А чрезъ недѣлю онъ уже былъ матерьяльнымъ приказчикомъ! — не безъ зависти продолжалъ искатель счастья. — А матерьяльный приказчикъ вамъ извѣстно, что это такое. Это, можно сказать, все равно, что теленка къ молоку припустить, — соси себѣ, не отваливайся. Какихъ-нибудь пять лѣтъ прошло — у меня ни гроша нѣтъ, а у него капита-

лець тысячъ въ двадцать имѣется. Ежели онъ теперь съ этимъ капиталцемъ, да въ свое мѣсто уѣдетъ, такъ первымъ человѣкомъ будетъ. Такъ оно счастье то! Его найдешь тамъ, гдѣ не ищешь.

Соблазнъ такихъ „удачъ“ во многомъ способствуетъ распространенію торговли женами. У всѣхъ на глазахъ какое-нибудь полное ничтожество продаетъ свою достойную супругу и становится замѣтной величиной, обеспечиваетъ свою будущность и, что называется, выходитъ въ люди. Всякое другое ничтожество съ завистью смотритъ на скачекъ товарища и жадно ищетъ случая сдѣлать тоже самое. И случаи эти, если не всѣмъ, то многимъ представляются, каждому въ свое время.

Полагаемъ, нѣтъ надобности говорить, что продажа женъ практикуется не одной только фабрично-заводской челядью. Всякая челядь, въ какомъ бы рангѣ она не состояла, одинаково готова подслужиться своимъ господамъ, чѣмъ угодно, а женой прежде всего. Въ этомъ отношеніи фабричный дворъ ничѣмъ не отличается, хотя-бы отъ двора... бывшихъ французскихъ королей.

Сводни-родственники.

— И отъ хозяина и отъ насъ воруетъ, просто ничего не подѣлаешь, измучилъ совсѣмъ, чуть не половину заработка оттягиваетъ.

— Почему же вы управляющему не пожалуетесь?

— Жаловались, ничего не выходитъ, не слушаетъ.

Этотъ разговоръ происходилъ у меня съ мастерами одного механическаго завода, явившимися ко мнѣ, какъ къ сотруднику газеты съ „жалобой“ на механика.

Механикъ этотъ обсчитывалъ всячески подчиненныхъ ему мастеровыхъ на отрядныхъ работахъ, урѣзывалъ всячески ихъ заработокъ, а самъ отъ конторы получалъ все полностью. Кромѣ того, онъ безъ стѣсненія воровалъ и на матерьялѣ, обкрадывая такимъ образомъ и фирму. Рабочіе жаловались управляющему, но тотъ обѣщалъ „разслѣдовать“ и оставлялъ все по прежнему. Причина такого отношенія управляющаго къ факту воровства заключается въ томъ, что онъ „живетъ“, какъ заявили мастера, съ сестрой механика.

— Съ самаго начала, какъ только онъ на заводъ поступилъ пошло это. А всему причина—сестра, не можетъ управляющій противъ нея слово сказать, такъ она его въ рукахъ держать.

Сестра эта потомъ вышла замужъ за литейщика, который тотчасъ сдѣланъ былъ мастеромъ на томъ же заводѣ. Само собой разумѣется, что сношенія управляющаго съ ней не прекратились, и на заводѣ оказалось, вмѣсто одного, два паука, братъ и мужъ владычицы сердца управляющаго. Для рядовыхъ рабочихъ такія отношенія на заводѣ сущее несчастье. На мастера или механика, состоящаго подъ покровительствомъ сестры или жены, не найдешь никакой управы; онъ неуязвимъ, на него не дѣйствуютъ никакія жалобы, никакія доказательства его виновности предъ рабочими и даже предъ хозяиномъ. Обыкновенно, жалобщики или остаются при старомъ положеніи или даже увольняются съ завода и замѣняются другими. Въ концѣ-же концовъ создается такое положеніе. Механикъ или мастеръ, чтобы избавиться отъ вѣчныхъ жалобъ, намѣчаетъ себѣ нѣсколько фаворитовъ изъ рабочихъ, которымъ и отдаетъ всѣ наиболѣе выгодныя отрядныя работы, на особыхъ имъ однимъ извѣстныхъ условіяхъ. Такіе фавориты часто зарабатываютъ до 20 рублей въ день, въ то время, какъ остальные ихъ товарищи получаютъ два рубля—2 р. 50 коп. въ день. Само собой разумѣется, что часть заработка фаворитовъ идетъ патрону. Они же помогаютъ ему скрывать дѣйствительное количество матерьяла, употребленнаго въ производство. А иногда эти отношенія осложняются. Черная свою силу изъ положенія своей сестры или жены, по отношенію къ управляющему, мастеръ въ свою очередь пользуется расположеніемъ сестры или жены одного изъ своихъ фаворитовъ. Словомъ, получается гнусная цѣпь изъ патроновъ и фаворитовъ нѣсколькихъ степеней, цѣпь, связанная цементомъ откровеннаго разврата. Рабочій продаетъ свою жену мастеру, мастеръ помогаетъ сближенію своей сестры съ управляющимъ, а управляющій не препятствуетъ своей женѣ дарить ласками хозяина. И

наоборотъ—хозяинъ покупаетъ женщину у управляющаго, управляющій—у мастера, а мастеръ—у рабочаго. Получается крѣпкая, неразрушимая цѣпь снизу до верху и сверху до низу, такъ-что лицамъ, не входящимъ въ эту цѣпь, приходится уже подчиняться весьма чувствительному давленію или же уходить. Образование этихъ „цѣпей“ иногда не обходится безъ драмъ, въ особенности, когда въ роли посредника выступаетъ отецъ съ своей родительской властью. Чаше всего, если дѣвушка не раздѣляетъ плановъ отца, драма кончается побѣгомъ. Дочь скрывается отъ своего родителя съ любимымъ человѣкомъ. Но это бываетъ рѣдко. Прямая атмосфера фабричной и заводской жизни, такъ настраиваетъ воображеніе молодыхъ дѣвушекъ, что они весьма охотно подчиняются волѣ отца, попросту не придавая большого значенія факту паденія.

— Не убудеть тебя отъ этого!—говоритъ отецъ.

Дочь соглашается, что ея не убудеть, и сдѣлка заключается къ обоюдному удовольствію сторонъ. Продавецъ-отецъ упрочиваетъ этимъ свое положеніе на службѣ, а покупатель-начальникъ освобождается отъ необходимости принять на себя и нести бремя супружескихъ обязанностей. Дѣти отъ такого соединенія весьма рѣдко воспитываются матерями. Этому препятствуютъ прежде всего сами сожители, такъ какъ въ дѣтяхъ заключается для нихъ опасность „иска на прокормленіе“, въ случаѣ разрыва связи. Поэтому сожитель всегда настаиваетъ, чтобы родившійся ребенокъ былъ отданъ въ пріютъ подкидышей. Нерѣдки случаи вытравленія плода и даже умертвленія уже родившагося младенца.

Тутъ у мѣста будетъ отмѣтить одну черточку буржуазнаго строя и буржуазной психологіи. Владѣльцы капиталовъ, создавая такимъ образомъ, столь благоприятную обстановку для усиленнаго

роста внѣбрачныхъ рожденій, пріюты подкидышей тѣмъ не менѣе держать въ самыхъ отвратительныхъ условіяхъ: смертность въ нихъ ужасная. Намъ, напримѣръ, извѣстенъ случай, когда въ пріютѣ одного города половина дѣтей ослѣпли.

Таковы въ общихъ чертахъ формы „посредничества“. Но мы должны сознаться, что нами далеко не исчерпана эта сторона жизни; дѣйствительность и мрачнѣе и возмутительнѣе, какъ по силѣ укоренившася зла, такъ и въ особенности по откровенности поведенія посредниковъ всѣхъ ранговъ и положеній. Эта язва наполнила всѣ города Россіи и вездѣ процвѣтаетъ одинаково. Сѣверъ, югъ, востокъ и западъ страны въ этомъ отношеніи ничѣмъ не разнятся.

Содержанки при мужѣ.

Онъ—молодой человѣкъ; она—всего два года назадъ окончила курсъ въ одномъ изъ институтовъ западнаго края. Они пріѣхали въ чужой для нихъ городъ ни съ чѣмъ, но съ большими надеждами. Работу по своей спеціальности онъ нашелъ тотчасъ же. Скромное жалованіе въ 125 р. въ мѣсяцъ сначала показалось имъ цѣлымъ богатствомъ. Въдъ у нихъ ничего не было, и они только-что начали самостоятельную жизнь. Они наняли двѣ весьма маленькихъ комнаты, въ которыхъ едва можно было помѣститься даже съ ихъ скромнымъ хозяйствомъ. Но эти двѣ комнаты были свои, они въ нихъ были полными хозяевами, и этого было достаточно, чтобы они были довольны, почти счастливы. У нихъ была неумѣлая, грязная кухарка, но они безконтрольно могли ею распоряжаться, и она казалась имъ вполне удовлетворительной прислугой. *Она* ходила въ дешевенькихъ платьяхъ, но эти платья были пріобрѣтены на *ихъ* собственныя деньги,—и они казались ей вполне приличными. Къ концу мѣсяца не хватило денегъ, но онъ говорилъ, что скоро получить *свой* заработокъ,—и это ихъ удовлетворяло, скрашивало нужду, дѣлало ее нечувствительной.

Имъ было хорошо, они были довольны, весело и бодро встрѣчали утро, спокойно отходили ко сну и почти ничего не желали.

Но это было только первое время, пока не пропала прелесть новизны положенія. А потомъ стало немного скучно, въ особенности ей. Она была эффектно красива, той красотой, которая сразу бросается въ глаза, заставляетъ на улицѣ останавливаться прохожихъ мужчинъ и во всякомъ людномъ мѣстѣ притягиваетъ массу глазъ. Она это знала и чувствовала—постоянно, что ею любятъ, что она нравится всѣмъ.

— Но что же изъ этого?—вздыхала она.—Я одѣлена отъ нихъ непроницаемой стѣной бѣдности, я не могу быть съ ними, тамъ, гдѣ все блескъ, гдѣ красота находитъ цѣнителей и доставляетъ своимъ обладательницамъ непрерывную цѣпь удовольствій.

Что думалъ онъ, неизвѣстно, но черезъ три года они жили въ хорошенькой квартиркѣ, которая обходилась имъ до тысячи рублей въ годъ, они бывали „въ обществѣ“, принимали у себя: и вечеромъ, когда онъ былъ дома, и утромъ, когда она оставалась одна. Чаше всѣхъ посѣщалъ ее по утрамъ богатый татаринъ,—„совсѣмъ необразованный, но очень милый человѣкъ—и весьма обязательный“. На лѣто она уѣхала въ Кисловодскъ, гдѣ „случайно“ оказался и ея знакомый татаринъ. Они очень мило проводили время, устраивали поѣздки въ горы, пикники; бывали на концертахъ, на балахъ, такъ-что она горячо благодарила... мужа, что онъ доставилъ ей случай прожить лѣто въ такомъ очаровательномъ мѣстѣ. Мужъ по-прежнему получалъ 125 р. въ мѣсяцъ, но она такъ „примѣнилась теперь къ мѣстнымъ условіямъ жизни“, что имъ хватало денегъ на вполне „порядочную“ жизнь. У нихъ была хорошая квартира, прекрасно обставленная, двѣ прислуги; одѣвалась она у лучшей портнихи, каждый день бывала въ театрѣ, потомъ ужинала въ клубѣ... И все это такъ дешево обходилось, что они даже дѣлали сбереженія, у нихъ лежало въ банкѣ нѣсколько тысячъ рублей. Правда,

тысячъ пока было немного, но она надѣялась, что въ будущемъ ихъ будетъ больше. Вѣдь если она въ три года такъ научилась экономить, то затѣмъ еще больше научится.

Такъ оно и случилось. Черезъ шесть лѣтъ они уже выглядѣли состоятельными людьми, у нихъ уже было много тысячъ, и эти тысячи росли сами собой, отъ процентовъ.

— Теперь намъ легче! — говорила она. — Намъ уже не надо урѣзывать отъ жалованья, мы его можемъ проживать все цѣликомъ. Капиталъ нашъ растеть самъ собой отъ процентовъ.

Такъ оно и идетъ до сихъ поръ, уже больше 10-ти лѣтъ, безъ перемѣны. Мѣняются только знакомые «татары». Они вообще какъ то сошлись съ татарами, въ особенности она *).

— Право, они очень милые люди! — говорила она. — Добродушные, простые, услужливые, вѣжливые. Съ ними какъ то легче чувствуешь себя, въ нихъ есть что-то непосредственное, дѣтское...

Татары въ свою очередь находили въ ней массу достоинствъ и одинъ передъ другимъ старались ей угодить, услужить, вообще завоевать ея вниманіе.

Мужъ о татарахъ ничего не говоритъ, но, встрѣчая ихъ у себя въ квартирѣ, крѣпко пожимаетъ имъ руку.

Иногда, впрочемъ, онъ спрашиваетъ:

— Ты все еще съ Мамедъ-бекомъ ѣздишь въ клубъ ужинать, или съ кѣмъ другимъ?

— Ахъ нѣтъ! Мамедъ-бекъ теперь занятъ и у насъ не бываетъ,—я съ Абдуль-Керимомъ теперь ужинаю.

И только. Какое значеніе онъ придаетъ этимъ ужинамъ и вообще всему поведенію жены, нѣтъ

*) Мѣсто дѣйствія въ одномъ изъ восточныхъ городовъ.
Авторъ.

возможности узнать, такъ-какъ онъ вообще чело-
вѣкъ угрюмый и говоритъ мало. Можетъ быть
онъ знаетъ все и сочувствуетъ, а можетъ быть и
знаетъ, но не сочувствуетъ, а только мирится по
неволѣ.

Въ публикѣ предполагаютъ и то и другое.

Мы съ своей стороны думаемъ, что мужъ въ
данномъ случаѣ является мученикомъ большой
любви; онъ не можетъ, конечно, не видѣть стран-
ности финансовыхъ операцій жены, но съ одной
стороны у него не хватаетъ силы бороться съ
этимъ, а съ другой—онъ думаетъ, что деньги его
женѣ даютъ подъ видомъ займовъ, изъ простой
дружбы.

— Хорошій знакомый, миллионеръ, видитъ, что
мы нуждаемся, — что ему стоитъ какая нибудь
тысяча рублей! Конечно, у него, въ зависимости
отъ различныхъ обстоятельствъ, должны являться
сомнѣнія на счетъ непорочности его жены,—но
такъ какъ въ сущности, онъ безсиленъ, чтобы из-
мѣнить тотъ строй жизни, какой ею установленъ,
то сомнѣнія въ свое время затихаютъ, потомъ
вновь разгораются и опять затихаютъ.

Ему можно поставить въ вину то, что онъ ми-
рится съ вѣчными займами жены у знакомыхъ;
позволяетъ ей извлекать выгоду изъ своего зна-
комства съ богатыми татарами. Но съ татарами въ
этомъ городѣ такъ поступаетъ не одна его жена.
Эксплоатація ихъ, какъ знакомыхъ, обычное яв-
леніе.

Татаринъ далъ.

Эмансипированный татаринъ, обыкновенно, вращается въ такой средѣ, которая не упускаетъ ни одного случая поживиться на его счетъ. Обыкновенно, это человѣкъ безъ образованія, только-что переступившій порогъ предразсудковъ своей націи и стремящійся слиться съ общечеловѣческой семьей, быть „какъ всѣ“. Но кругъ дѣйствительно цивилизованныхъ людей ему недоступенъ, а потому ему приходится вращаться въ средѣ различныхъ проходимцевъ, которымъ, какъ нельзя болѣе, на руку его стремленіе быть среди людей, „въ обществѣ“. Для него устраиваются вечера, гдѣ онъ наслаждается бесѣдой съ красивыми, всегда остроумными женами авантюристовъ и платится за это проигрышемъ въ карты. Но и этотъ проигрышъ ему доставляетъ удовольствіе, онъ даетъ ему случай выказать свое презрѣніе къ деньгамъ предъ его увлекательными собесѣдницами.

Обыграть—это самый распространенный способъ эксплуатаціи пустившагося въ свѣтъ татарина, но и другіе способы не отвергаются: у него занимаютъ безъ намѣренія уплатить, ему даютъ возможность дарить и пр.

Еще недавно въ средѣ прожигателей жизни этого города вращался одинъ татаринъ, владѣлецъ нефтеносныхъ земель, оцѣниваемыхъ въ нѣсколько

милліоновъ рублей. Въ какихъ нибудь два-три года онъ буквально раздарилъ не только всѣ земли, но и земли брата, съ которымъ имѣніе у нихъ было въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи. Братъ потомъ судомъ отобралъ свою часть у даропріемниковъ. На судѣ раскрылась безобразная картина обирательства. Добродушнаго, чрезвычайно наивнаго человѣка опутали сѣтью лести и дѣлали съ нимъ все, что хотѣли. Не говоря уже о томъ, что все время онъ кормилъ и поилъ шампанскимъ цѣлую ораву разныхъ проходимцевъ,—не проходило еще почти ни одной пирушки, чтобы онъ не сдѣлалъ кому либо цѣннаго подарка. Сегодня онъ даритъ двѣ десятины нефтеносной земли, стоимостью тысячъ въ шестьдесятъ рублей, приставу, удостоившему своимъ присутвіемъ его компанію; завтра хозяйка дома, въ которомъ онъ присутствуетъ въ качествѣ гостя, самолично сварила для него кофе и милостиво соглашается принять отъ него десятину нефтеносной земли. На третій день пирушка въ гостиницѣ закончилась скандаломъ, участники,—а въ томъ числѣ и онъ,—приглашены въ полицію; дежурный околоточный принимаетъ на себя посредничество по умиротворенію сторонъ и получаетъ за это десятину. Въ гостиницѣ, гдѣ онъ постоянно играетъ на бильярдѣ, маркеръ обращается съ нимъ особенно почтительно, исполняетъ всякое его приказаніе и за это получаетъ двѣ десятины и т. д. и т. п.

Въ концѣ концовъ всѣ его прихлебатели оказались владѣльцами нефтяныхъ земель, а у него не осталось ничего; онъ оказался буквально нищимъ.

Это особенно яркій образецъ эксплуатаціи окружающими „эмансипированнаго“ татарина, и его можно, пожалуй, считать исключеніемъ,—но эксплуатація въ болѣе скромныхъ размѣрахъ явленіе общее. Познакомиться съ богатымъ татаринѣмъ

это значить имѣть какой нибудь прибытокъ. Въ мелко-буржуазной средѣ существуетъ даже шуточное выраженіе: „татаринъ далъ“.

Какая нибудь полуграмотная „дама“ на вопросъ пріятельницы — откуда у нея та или иная новая вещь, — со смѣхомъ заявляетъ:

— Татаринъ далъ.

Татаринъ далъ — это еще не значить, что между нею и татаринѣмъ было что нибудь предосудительное, ибо татары такой народъ, что могутъ дать и такъ, ни съ того, ни съ сего, только въ силу одного простого знакомства, только потому, что ему пріятно это знакомство. Онъ, конечно, питаетъ извѣстныя надежды, но эти надежды могутъ и не исполниться, — а въ то же время татарскій подарокъ доказываетъ, что получившая его „пріятная дама“. Отсюда стремленіе „похвалиться“ полученнымъ подаркомъ, отсюда же и шуточное выраженіе: „татаринъ далъ“. Это значить, что „мы еще не перестали нравиться“ еще можемъ заставить татарина раскошелиться. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что мужъ знаетъ о получаемыхъ женой подаркахъ и въ то же время продолжаетъ вѣрить въ ея непорочность. Это не невозможно, но, конечно, только до извѣстной степени, такъ что для посторонняго всегда ясно, гдѣ подарки — результатъ простого „флирта“, а гдѣ они уже являются результатомъ любовной связи. Но мужу простительно не замѣчать этой границы или игнорировать её, въ особенности если онъ любитъ жену. Вѣдь, если-бы онъ постарался убѣдить себя, что жена его порочна и продажна, то ему пришлось бы оставить ее, а на это у него нѣтъ силы, — такъ ужъ лучше мириться съ неизвѣстнымъ, чѣмъ терпѣть горькое извѣстное, благо, окружающія условія жизни даютъ возможность объяснить поступки жены въ „хорошую“ сторону. Былъ, на примѣръ, такой случай. Дама изъ общества полу-

чаетъ правильное по третямъ года содержаніе отъ богача татарина, но въ тоже время измѣняетъ ему съ другимъ; онъ въ этомъ убѣждается и рѣшаетъ наказать её.

Въ извѣстный срокъ она обращается къ нему за „получкой“, онъ безпрекословно пишетъ ей чекъ на четыре тысячи, но тотчасъ идетъ въ банкъ и заявляетъ, что имъ потерянь чекъ.

Дама, ничего не подозрѣвая, является съ чекомъ въ банкъ, но ей заявляютъ, что не могутъ выдать денегъ по этому чеку.

— Почему?

— Намъ заявлено, что этотъ чекъ владѣльцемъ его утерянь.

— Кто вамъ заявилъ?

— Самъ онъ.

— Но онъ мнѣ самъ лично вчера выдалъ его.

— Ничего не знаемъ.

Сконфуженная дама ушла, а на другой день объ этомъ говорилъ весь городъ. Огласилъ фактъ никто иной, какъ самъ мужъ дамы, онъ рассказывалъ объ этомъ всѣмъ своимъ знакомымъ и возмущался:

— Помилуйте! Подарилъ чекъ на четыре тысячи, а потомъ заявилъ, что потерялъ! Мы его принимали, какъ хорошаго знакомаго, а онъ надъ нами насмѣялся. Вѣдь могутъ подумать Богъ знаетъ что!

Сѣтованія этаго мужа, какъ нельзя болѣе, характерны, въ нихъ отражается весь строй общественныхъ сношеній. Мужчина подарилъ женщинѣ 4 тысячи рублей — въ этомъ ничего особеннаго нѣтъ, это въ порядкѣ вещей, скрывать по этому фактъ даренія нѣтъ надобности. Мужу и въ голову не приходитъ, что „подарокъ“ можетъ выгнать изъ нечистыхъ сношеній его жены съ дарящимъ, — онъ негодуетъ только, что даритель сы-

гралъ съ его женой глупый фарсъ, который можетъ бросить на жену тѣнь подозрѣнія. Ему и въ голову не приходитъ, что нужно имѣть какое нибудь право, чтобы дарить; онъ полагаетъ, что можно и естественно дарить женщинѣ по 4 тысячи, только какъ простой знакомой.

Точно также роль женщины, принимающей 4 тысячи рублей отъ знакомаго, ему нисколько не кажется предосудительной. Словомъ, на сцену опять выплываетъ то-же: „татаринъ даль“,— всѣмъ понятное и нисколько не зазорное.

— Отчего не поживиться отъ татарина? Что тутъ такого?

Въ отдѣльныхъ случаяхъ оно часто такъ и бываетъ: дать татаринъ и на этомъ дѣло и окончится. Но такой взглядъ женщинъ на татаръ въ результатѣ приводитъ къ тому, что у всякаго мало-мальски зажиточнаго татарина имѣется любовница не татарка—русская, полька, еврейка, нѣмка рѣже—грузинка, еще рѣже—армянки. Объясняется это тѣмъ, что грузины и армяне знаютъ точное значеніе татарскихъ подарковъ и во время принимаютъ мѣры,—всѣ же остальные, какъ люди пришлые, съ обычаями татаръ и взглядами на вещи незнакомые, болѣе смѣло „играютъ съ огнемъ“ и, разумѣется, въ концѣ концовъ обжигаются. Жена, втянутая подарками въ роскошь не посредствомъ, принуждена бываетъ сдаться, и или оставляетъ мужа, переходя открыто на содержаніе татарина, или же ставитъ мужа въ печальное положеніе совладѣльца съ татаринкомъ, доставляющимъ ей усиленные средства къ жизни.

Мы остановились на сношеніяхъ замужнихъ женщинъ съ татарами, во первыхъ, потому, что явленіе это достаточно распространенное, а во вторыхъ и потому, что продажность женщины тутъ наиболѣе явна и доказательна, меньше сомнѣнія

въ томъ, что связь основана на корыстныхъ расчетахъ женщины, а не на влеченіи по страсти.

Уже самое предпочтеніе такими женщинами татаръ мужчинамъ другихъ національностей объясняется просто тѣмъ, что татары щедрѣе и легче поддаются эксплуатаціи.

Но это, конечно, не значитъ, что татары являются исключительными претендентами, они только первенствуютъ среди равныхъ, и въ сущности недалеко ушли въ этомъ отношеніи, отъ христіанъ. Разница только въ томъ, что у христіанъ такія связи скрываются болѣе тщательно, но это понятно почему. Татаринъ, сожительствуя съ женщиной, въ сущности не совершаетъ никакого преступленія, ни противъ религіи, ни противъ обычнаго права,—и законъ религіозный и обычай, если не поощряютъ, то разрѣшаютъ ему это сожитіе и мало отличаютъ его отъ обыкновеннаго брачнаго сожитія. Поэтому и скрывать ему такія отношенія къ женщинѣ нѣтъ надобности, ибо онъ вправѣ вступить въ такія отношенія, во всякое время онъ можетъ даже привести эту женщину къ себѣ въ домъ, и это будетъ въ порядкѣ вещей.

Христіанинъ же совсѣмъ въ иномъ положеніи—ни религія, ни обычное право не разрѣшаютъ ему сожительства внѣ брака, а, напротивъ, строго воспрещаютъ. Вступивъ во внѣбрачную жизнь, онъ нарушаетъ и обычаи и религіозныя постановленія и попираетъ право своей жены, словомъ дѣлаетъ недозволенное, а поэтому долженъ скрывать свои поступки. Кромѣ того, ему понятнѣе и та опасность, какая грозитъ его любовницѣ, если ихъ связь обнаружится; онъ съ молокомъ матери всосалъ общепринятый взглядъ цивилизованныхъ народовъ, налагающій на любовника обязанность хранить тайну любовницы; хотя бы она и брала за свою любовь деньги.

Но это нисколько не вліяетъ на число вѣнчаныхъ связей христіанъ; они такъ-же распространены, какъ и у татаръ, только тщательнѣе скрываются.

Первенство жены.

Но оставимъ это въ сторонѣ. Намъ важно опредѣлить не это, а самое положеніе „содержанки при мужѣ“, а также и степень ея приближенія къ проституціи.

„Содержанки при мужѣ“—это явленіе прямо противоположное отмѣченной нами торговлѣ женами. Какъ тамъ инициатива, а, слѣдовательно и вина падаетъ на мужчину (мужа)—такъ тутъ виновицей является женщина. Какъ тамъ физически и нравственно мужъ давитъ жену, такъ тутъ жена, если не физически, то нравственно терзаетъ мужа, стремясь къ цѣлямъ наживы или честолюбія.

Вотъ, на примѣръ, мужъ — человѣкъ вполне порядочный, нравственно щепетильный, но слабохарактерный, — любовь къ женѣ захватила его всего. А она всѣмъ извѣстная прожигательница жизни, счета ея портнихи посылаются сегодня къ одному, завтра къ другому, черезъ недѣлю къ третьему покровителю. Мужъ не можетъ не видѣть этого, онъ чувствуетъ, что и для другихъ поведеніе его жены не тайна, но не имѣетъ силы даже сказать ей объ этомъ и только старается хоть сколько нибудь возстановить ея репутацію въ глазахъ другихъ.

— Она легкомысленна, это правда, — говоритъ онъ своимъ друзьямъ и знакомымъ, — но если бы

вы знали, какая у нея добрая душа? И какъ она любитъ меня! Когда я болѣю, она вся измучается, не спитъ, не ѣстъ, не пьетъ.

Бѣдный, жалкій человѣкъ! Онъ старается увѣрить въ непорочности жены часто тѣхъ, которые покупали ее, покупали грубо съ предварительнымъ установленіемъ цѣны: за столько-то!

Эта женщина въ особенности типична своей продажностью, а поведеніе ея характерно. Она вращается въ лучшемъ обществѣ и въ то же время прямо таксируется на биржѣ разврата, всякій знаетъ, что ее можно купить за столько-то. Всѣ это знаютъ, что называется, въ засосъ рассказываютъ другъ другу о ея похожденіяхъ, — но и только, она принята вездѣ, продажностью ея въ сущности никто ни гнушается. Въ сущности даже и разговоры о ней не касаются ея продажности, а отмѣчается главнымъ образомъ откровенность ея поведенія.

— Вышла изъ театра, сѣла съ *нимъ* въ коляску и поѣхала въ гостиницу. Могла бы отойти отъ театра и тамъ гдѣ нибудь сойтись. А то при всѣхъ.

Въ преступленіе ей ставится только то, что она ѣдетъ на развратъ при всѣхъ,—а то, что она, имѣя мужа и вполне сносное обезпеченіе, все же торгуетъ собой,—въ вину не ставится. Это въ порядкѣ вещей, красота женщины вообще продажна, она предметъ рынка, какъ и всякій другой товаръ. И это потому, что кромѣ красоты, буржуа извѣстнаго сорта не цѣнятъ въ женщинѣ ничего, чисто чловѣческія достоинства ея не имѣютъ спроса, съ ними—„безъ дѣль“, какъ говорятъ биржевики. Женщина, такимъ образомъ, вынуждена или остаться внѣ вниманія мужчинъ, отступить и дать дорогу другимъ, или же воздѣйствовать на окружающихъ своей красотой и только красотой. Женщина исключительно сильная, конечно, не подчинится

этому режиму и скорѣе останется одинокой, внѣ общества,—но вѣдь исключительно сильныхъ, ставящихъ свое человѣческое достоинство выше радостей жизни, немного, онѣ рѣдкость. Рядовая же женщина поневолѣ идетъ въ уровень со всѣми, т. е. помощью красоты добивается успѣха въ обществѣ. А такъ какъ красота требуетъ рамки, которая требуетъ денегъ, то и кончается тѣмъ, что красота и ея обладательница дѣлаются рыночной цѣнностью.

Кто тутъ виновать—женщины ли, подлаживающія ко вкусамъ мужчинъ, или мужчины разряженную красивую куклу предпочитаютъ чело-
вѣку?

Любовь—товаръ.

Вѣроятно и тѣ и другіе, а еще вѣрнѣе весь строй жизни, основанный на стремленіи къ наживѣ, къ успѣху съ помощью денегъ. Деньги—и сила и средство пріобрѣтенія всего, что необходимо для человѣка, не исключая и потребности любить и быть любимымъ. Этотъ взглядъ на деньги твердо установился и принимается, какъ вполне доказанная истина. А поэтому часто такой поклонникъ денегъ почти не знаетъ иной любви, кромѣ купленной, иначе говоря, фальсифицированной. Онъ покупаетъ женщину и думаетъ, что это и есть любовь, что другой какой-нибудь и не существуетъ совсѣмъ. Даже при заключеніи брака этотъ взглядъ не терпитъ большихъ измѣненій. Мужчина весьма точно усчитываетъ выгоды брака.

— Содержаніе жены мнѣ будетъ стоить столько то (предположимъ 1000 р.), да приданое ея дастъ процентовъ тоже 1000 руб. Сдѣлка безъ барыша и убытка,—пождемъ.

Привыкшій къ продажной любви, онъ ни о чемъ больше не думаетъ; жена ему нужна только, какъ самка, и въ таковомъ своемъ качествѣ никакихъ преимуществъ предъ другими не имѣетъ. Красивая невѣста и одинаково красивая содержанка сравниваются только по суммѣ необходимой на ихъ содержаніе. На счетъ невѣсты ставится даже доволь-

но солидный минусъ въ видѣ могущихъ быть отъ нея, какъ будущей жены, дѣтей, которыхъ нужно воспитывать. Словомъ, буржуа тутъ высказываетъ свою обычную дѣловитость, умѣнье „учесть“ всѣ выгоды и невыгоды положенія. Это исключительно дѣловой человѣкъ, вездѣ и во всемъ, кромѣ „дѣлъ“ онъ ничего не признаетъ, на остальное у него нѣтъ времени, въ томъ числѣ и на правильное сношеніе съ женщинами. Случайно онъ встрѣчается съ женщиной или дѣвушкой, видитъ, что она ему нравится больше другихъ, ему съ ней хорошо, лучше, чѣмъ съ другими, есть что-то въ ней, что его привлекаетъ, притягиваетъ. Всякій другой, не столь вѣрный поклонникъ современнаго строя, въ такихъ случаяхъ старается продолжать знакомство, войти въ душевный міръ дѣвушки и или разочароваться или же убѣдиться, что любить и любимъ, и кончить бракомъ. Но у дѣльца нашего времени этого почти не бываетъ, онъ посмотритъ на такую дѣвушку и отойдетъ:

— Некогда возиться. Выйдетъ что или не выйдетъ, а время потеряешь. Лучше купить.

Даже и то, что называется интрижкой, чрезвычайно у него упрощено. Онъ начинаетъ свои ухаживанія съ предложенія поужинать, что, собственно, равносильно предложенію вступить въ любовную связь. Вся процедура, значитъ начинается и кончается въ одинъ день и даже нѣсколько часовъ. Въ случаѣ же отказа ужинать „влюбленный“ просто отходитъ и предлагаетъ тоже самое другой.

— Заплатить я готовъ, а возиться съ тобой— слуга покорный!

И, дѣйствительно, если встать на извѣстную точку зрѣнія, т. е. цѣнить въ женщинѣ только ея внѣшнюю оболочку, то нѣтъ смысла гнаться за недоступной и тратить на нее время, когда можно скорѣе удовлетворить свое желаніе съ другой, болѣе доступной.

Вѣдь оболочка у всѣхъ по существу одинакова, разница только въ формѣ, а поэтому не можетъ быть предпочтенія одной красивой женщины предъ другой красивой же женщиной.

Такъ оно и бываетъ, оцѣнивается только, и только, красота и характеръ этой красоты. Южане, тѣ же кавказцы, напримѣръ, отдають предпочтеніе блондинкамъ предъ брюнетками и уже никакая конкуренція между блондинкой и брюнеткой невозможна. Даже некрасивая блондинка съ успѣхомъ конкурируетъ съ красивой брюнеткой, хотя бы послѣдняя, кромѣ красоты обладала еще всѣми совершенствами ума и сердца.

Сѣверяне, напротивъ, предпочитаютъ брюнетокъ, почти въ той же степени.

Просто до чрезвычайности. Выборъ по масти, какъ у сельскихъ хозяевъ—красный быкъ всегда цѣнится двумя-тремя рублями дороже бѣлаго или пестраго. Преимущество „сѣрыхъ въ яблокахъ“ тоже можно поставить на одну доску съ преимуществомъ блондинокъ на югѣ и брюнетокъ на сѣверѣ.

Выѣздъ—и любовь! И то и другое подбирается по масти, причемъ отъ перваго требуется даже больше, чѣмъ отъ втораго. Выѣздные „сѣрые въ яблокахъ“ должны быть еще и рысистыми, а для любви требуется только блондинка, или только брюнетка, хотя бы умственно и „не рысистая“.

Скотство какое-то, а не любовь!

Содержанки горничныя.

На фабрикахъ и заводахъ управляющіе, ихъ помощники и вообще высшіе служащіе, кромѣ жалованья получаютъ еще отъ хозяина квартиру съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и обстановкой, и двѣ прислуги. Обычай, несомнѣнно, хорошій и зиждится на добрыхъ намѣреніяхъ со стороны хозяевъ,—обеспечить служащимъ вполне удовлетворительное существованіе, безъ нужды, спокойно и удобно. Но ведетъ этотъ обычай далеко не къ хорошему послѣдствіямъ. Для семейнаго человѣка двѣ прислуги не лишнія, имъ хватитъ дѣла, но холостой вполне обходится одной, а другой даетъ особое назначеніе.

Обыкновенно нанимается кухарка, которая и исполняетъ всѣ работы и по кухнѣ и по дому. А вмѣсто другой прислуги берется молодая дѣвушка, на которой никакихъ работъ не лежитъ, она никогда ничего не дѣлаетъ и вѣчно сидитъ: на югѣ на балконѣ, а на сѣверѣ на крылечкѣ и „грызетъ“ сѣмячки. За это она получаетъ 15 рублей въ мѣсяцъ и столъ. Такихъ должностей по Россіи сотни и тысячи, и всѣ занимающія ихъ дѣвушки кончаютъ печально, это резервъ проституціи.

Живетъ такая дѣвушка два-три года, на хорошихъ хлѣбахъ, въ полнѣйшей праздности, въ постоянномъ созерцаніи безпечальнаго житія предста-

вителей капитала, приобретаетъ извѣстный взглядъ на трудъ и трудящагося, полупрезрительный, полуснисходительный,—и вдругъ приходитъ конецъ ея безпечальному существованію, ей говорятъ: собирай свои пожитки и уходи!

— Куда?

— Куда знаешь.

Но ей, собственно, некуда идти, для нея всѣ дороги закрыты, кромѣ одной, на которой гибнетъ безвозвратно человѣческая личность.

— Куда я пойду?—съ отчаяніемъ спрашивала меня одна изъ такихъ бывшихъ „горничныхъ“.—Я къ нему поступила 17-ти лѣтъ, ничего не умѣла дѣлать и у него не выучилась, онъ не позволялъ мнѣ работать по дому, говорилъ: „руки грубѣютъ“,—теперь мнѣ 20 лѣтъ, и я ни шить, ни сварить не умѣю... да еще ребенокъ на рукахъ.

Собственно возможность появленія ребенка и служить причиной отказа отъ „мѣста“.

Въ послѣднее время самосознаніе трудящагося населенія сильно поднялось, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличилось и число случаевъ отстаиванія своихъ правъ въ судѣ. Раньше, напримѣръ, за увѣчья на фабрикахъ и заводахъ хозяева платили въ мѣру своей доброты, т. е. или ничего, если хозяинъ не добрый, или же какіе нибудь пустяки, сто—двѣсти рублей. Теперь каждый знаетъ почти точно, сколько онъ получитъ, если обратится въ судъ, а поэтому „доброта“, какъ единственная мѣрка вознагражденія, практикуется только при расплатѣ съ темными чернорабочими. Остальные сами назначаютъ сумму, и, если соглашеніе не состоитъ, то обращаются въ судъ. Тоже самое можно сказать и относительно дѣвушекъ и женщинъ, прижившихъ внѣ брака ребенка. Онѣ требуютъ „на прокормленіе ребенка“, и тоже, если соглашеніе не состоится, возбуждаютъ иски.

Вотъ это то опасеніе иска со стороны „горнич-

ной“ и заставляет ихъ хозяевъ отказывать имъ отъ мѣста, какъ только появятся первые признаки возможности появленія ребенка. Юридически это увольненіе не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ не лишаетъ уволенную права обратиться въ судъ. Но практически это имѣетъ огромное значеніе. Дѣло въ томъ, что возбудить искъ по закону можно только послѣ рожденія ребенка,—а увольняется будущая мать и истица мѣсяцевъ за 6—5 до родовъ. Этотъ перевывъ въ 5—6 мѣсяцевъ уже самъ по себѣ имѣетъ большое значеніе, такъ какъ отдаляетъ преступленіе отъ начала слѣдствія, что всегда выгодно преступнику. За это время потерпѣвшая можетъ потерять изъ виду часть свидѣтелей сожительства, бывший ея сожитель можетъ даже удалить ихъ, уволивъ съ завода или фабрики и вообще принять всѣ мѣры къ сокрытію слѣдовъ преступленія. Такимъ образомъ, доказать сожительство становится невозможнымъ совсѣмъ, а въ лучшемъ случаѣ исходъ является сомнительнымъ, а, слѣдовательно, рискованнымъ, такъ какъ господа сожители, въ случаяхъ оправданія, не упускаютъ случая, чтобы возбудить противъ истицы уголовное преслѣдованіе за клевету и шантажъ.

Но такой исходъ „дѣла“, собственно, бываетъ рѣдко, его можно считать исключеніемъ. Обыкновенно-же уволенная сожительница-горничная не возбуждаетъ иска, хотя бы и желала. Шестимѣсячный промежутокъ между увольненіемъ и моментомъ возбужденія иска приводитъ къ тому, что она впадаетъ въ нужду, почти нищенствуетъ, ожидая появленія ребенка.

А нищета уже сама по себѣ большое препятствіе для защиты своихъ правъ,—а тутъ еще въ перспективѣ представляется рожденіе ребенка, его кормленіе и пр. Прижатая, истерзанная нуждой дѣвушка не выдерживаетъ и рѣшается на одинъ изъ трехъ шаговъ, одинаково гибельныхъ для нея

и какъ нельзя болѣе выгодныхъ для ея противника. Первый шагъ это вытравливаніе плода, явленіе самое распространенное и общепринятое, даже не одними сожителствующими внѣ брака. Огромное большинство прибѣгаютъ именно къ этому, чѣмъ и освобождаютъ своего бывшего сожителя отъ какихъ бы то ни было обязательствъ:—нѣтъ ребенка, не можетъ быть и рѣчи объ искѣ. Второй шагъ, это подкидываніе ребенка, часто отцу. Тутъ играетъ роль не только нужда, но и желаніе отомстить хотя чѣмънибудь. Часто при младенцѣ находятъ записки болѣе или менѣе ѣдкаго содержанія, вродѣ: „возьми свое порожденіе, аспидъ“, и пр. Но мечь обыкновенно, не достигаетъ цѣли, Получивъ ребенка съ посланіемъ матери, отецъ записку рветъ, а ребенка отправляетъ въ пріютъ для подкидышей. На этомъ все и кончается. Вмѣсто того, чтобы отомстить оскорбителю, дѣвушка, посылая ему ребенка, тѣмъ самымъ увѣдомляетъ его, что всякая опасность для него миновала.

Нужно при этомъ сказать, что часто, когда дѣвушка еще не надоѣла своему обладателю, онъ не увольняетъ её, но подъ условіемъ, что она согласится вытравить плодъ или же отдастъ родившагося ребенка въ пріютъ подкидышей. И, къ сожалѣнію, приходится сознаться, что большинство соглашаются на одинъ изъ этихъ способовъ отдѣлаться отъ ребенка. Вытравливаніе плода, какъ уже сказано, практикуется вообще въ широкихъ размѣрахъ. Для этого не обращаются даже къ специалистамъ—„способъ“ извѣстенъ всѣмъ женщинамъ. Акушерка или врачъ призываются уже послѣ того, какъ выкидышъ произведенъ. Можетъ быть, отчасти благодаря этому рождаемость въ нѣкоторыхъ городахъ ниже смертности,—хотя, конечно, главнымъ образомъ, это зависитъ отъ ежегоднаго прилива пришлыхъ безсемейныхъ людей. Но одно это обстоятельство никоимъ образомъ не могло бы произвести

такой разницы между числом рождающихся и умирающих. Тогда пришлось бы допустить, что всѣ безсемейные или, по меньшей мѣрѣ, большинство ведутъ вполне цѣломудренную жизнь, въ полномъ отчужденіи отъ женщины. Но на такомъ предположеніи никто не остановится ни на минуту; мы страдаемъ какъ разъ обратнымъ, чрезвычайнымъ стремленіемъ къ вѣббратнымъ сношеніямъ. Аесли это такъ, то преобладаніе въ населеніи безсемейныхъ людей почти теряетъ свое значеніе. Природа не знаетъ различія между сношеніями съ „законной“ женщиной и сношеніями: съ горничной, бонной, швеей и пр. Въ результатѣ этихъ сношеній и въ томъ и въ другомъ случаѣ должно быть зачатіе, а, слѣдовательно, и рожденіе,—но рожденій нѣтъ или, по крайней мѣрѣ, они не достигаютъ той нормы, какой должны бы достигнуть, слѣдовательно, есть что то, что понижаетъ эту норму. И мы считаемъ себя вправѣ сказать, что вытравленіе плода, а также и предупрежденіе зачатій играетъ тутъ значительную роль. И вина въ этомъ падаетъ всецѣло на мужчинъ; они одни должны быть признаны убійцами зарождающейся жизни. Они не желаютъ нести бремени отцовъ своихъ дѣтей и говорятъ своимъ сожительницамъ:

— Или убей, или иди и умирай съ голоду на улицѣ вмѣстѣ съ твоимъ отпрыскомъ.

Именно такъ и говорятъ: съ твоимъ,—и забываютъ, что „отпрыски“ въ то же время и свои. Таково отношеніе къ собственному потомству! Оно ничуть не лучше убійства слабыхъ дѣтей древними народами и даже хуже. Тамъ было хотя кое какое оправданіе: суровые времена исключали возможность прокормленія инвалидовъ. А тутъ! Гдѣ оно, это оправданіе? Одинокій человекъ, часто зарабатывающій 5—10 и даже болѣе тысячъ рублей въ годъ, говоритъ своей любовницѣ:

— Убей нашего ребенка! Онъ намъ не нуженъ!

Кошка принесла шестерыхъ котятъ, и хозяйнѣ говоритъ:

— Оставьте одного, а остальныхъ пять утопите!

Человѣкъ съ живой еще душой и противъ этого послѣдняго возмущается, а дѣтей, напримѣръ, такое распоряженіе приводитъ въ ужасъ.

А на убійство значительной части поколѣнія людей мы смотримъ равнодушно, какъ будто это такъ и должно быть, какъ будто человѣкъ въ утробѣ матери не такой же человѣкъ, какъ всѣ прочіе?

— Это только „плодь“.

Характерное словечко, выхваченное изъ научнаго лексикона приверженцами буржуазнаго комфорта. Если назвать просто человѣкомъ или младенцемъ, то придется говорить объ убійствѣ человѣка, младенца. А это вызываетъ извѣстныя представленія о слабомъ безпомощномъ существѣ, медленно въ страшныхъ мученіяхъ умирающемъ отъ дѣйствія „яда“ въ утробѣ матери. Картина не изъ пріятныхъ и можетъ разстроить нервы нѣжнымъ родителямъ, убивающимъ свое дитя, можетъ испортить расположеніе духа, прогнать сонъ, аппетитъ. А это все такія вещи, которыми, собственно, и исчерпывается весь интересъ къ жизни сытаго человѣка, безъ нихъ онъ не понимаетъ жизни и за нихъ гнететь и давитъ все вокругъ себя.

Другое дѣло—*плодь!* Тутъ ничего страшнаго нѣтъ.

Плодь—это груша, яблоко, персикъ, „картошка“; арбузъ, дыня, слива! Лежитъ „картошка“ въ мѣшкѣ и начинаетъ гнить, ее берутъ и выбрасываютъ, чтобы отъ нея не загнили и другія.

Ничего трагическаго нѣтъ, самая обыкновенная вещь, такъ и должно быть. Изъ остальныхъ „картошекъ“ все же выйдетъ весьма вкусное пюре, которое можно съѣсть, запить старымъ виномъ и... поцѣловаться съ сожительницей, чтобы создать настроеніе, нужное для производства новыхъ под-

лежащихъ уничтоженію „плодовъ“. Не даромъ апологеты буржуазнаго величія постоянно твердятъ, о томъ, что они представители ума и знаній. Умны, дѣйствительно, но и безсердечны до безконечности.

Я извиняюсь предъ читателемъ за это отступленіе и маленькое увлеченіе. Въ мои задачи не входитъ метать громы по чьему бы то ни было адресу, я хочу только представить на судъ публики факты, и пусть кто-нибудь другой дѣлаеть оцѣнку этихъ фактовъ. Отъ этого изложеніе дѣлается сухимъ, можетъ быть, мало интереснымъ, но за то такимъ образомъ мнѣ, можетъ быть, удастся избѣгнуть упрековъ въ преувеличенной оцѣнкѣ фактовъ.

Надежда моя основывается на томъ, что я говорю по возможности только о фактахъ общеизвѣстныхъ, въ существованіи которыхъ едва ли есть возможность сомнѣваться.

Покончивъ на этомъ съ вытравливаніемъ и подкидываніемъ, мы обращаемся къ третьему шагу, на который принуждена рѣшиться „горничная“ уволенная своимъ сожителемъ за беременность.

Этотъ третій шагъ заключается въ мировой сдѣлкѣ. Доведенная до крайней нужды и не видя никакого исхода, она приходитъ къ своему бывшему сожителю и молить дать ей хоть что-нибудь.

— Не дайте хоть съ голоду умереть!.

Ей сначала говорятъ (черезъ новую „прислугу“), чтобы она пришла „завтра“, а на завтра объявляютъ—дома нѣтъ, потомъ —занять... И такъ до тѣхъ поръ, пока уже не остается никакого сомнѣнія, что просительница не будетъ „заноситься“, и съ благодарностью и смиренно приметъ всякія условія. Послѣ этого ей выдается какой-нибудь пустякъ и отбирается подписка приблизительно такого содержанія.

„Я, такая то, служила у такого то и уволена имъ за сношенія съ посторонними мужчинами,

отчего я и забеременѣла. За свою службу отъ такого то я все получила сполна и никакихъ претензій къ нему не имѣю и имѣть не буду“.

Такимъ образомъ, дѣвушка подписываетъ клевету на себя. Но не думайте, читатель, что клевета эта включается въ подписку ради издѣвательства. Нѣтъ, она необходима для огражденія интересовъ противной стороны, иначе подписка не имѣетъ никакого значенія. Законъ признаетъ право на часть средствъ сожителя за ребенкомъ, а не за его матерью. И если бы въ подпискѣ было сказано, что такой то уплатилъ своей сожительницѣ, скажемъ, 100 рублей на прокормленіе прижитаго съ нимъ ребенка, при чемъ она больше никакихъ претензій имѣть не должна,—такая подписка не имѣла бы значенія, такъ какъ не исключаетъ возможности иска со стороны ребенка и его законныхъ покровителей и опекуновъ.

Поэтому нужно въ подписку включать клевету на мать, чтобы избавить себя отъ претензій дитяти. И эта клевета подписывается матерью безпрекословно. Нужда заставляетъ ее забыть все ради какихъ-нибудь ста рублей. Эти сто рублей необходимы ей, чтобы завтра не умереть съ голоду.

Что будетъ потомъ, дальше,—она не думаетъ, не можетъ думать, такъ какъ настоящее безвыходное положеніе заслоняетъ отъ нея будущее. А будущее разное бываетъ, но всегда печальное и мрачное.

Содержанки.

Между содержанками собственно и одиночками проститутками нельзя провести болѣе или менѣе опредѣленной черты, если не брать такъ называемыхъ дамъ полусвѣта, которыхъ мы не касаемся, т. к. жизнь этой категоріи продажныхъ женщинъ достаточно исчерпана и крупными и мелкими талантами.

А исключивъ эту категорію проституттокъ, приходится сказать, что остальные содержанки не выходятъ изъ чернаго тѣла, въ огромномъ большинствѣ онѣ даже не въ состояніи освободиться отъ врачебнополицейскаго надзора и, находясь на содержаніи у одного лица, официально числятся проститутками. Да и въ дѣйствительности большинство изъ нихъ не перестаетъ заниматься проституціей, „прирабатывать“ къ той суммѣ, которая получается отъ покровителя.

Явленіе это, по нашему мнѣнію, объясняется все тѣмъ же „упрощеннымъ“ взглядомъ на женщину, о которомъ мы говорили выше. Женщина нужна только какъ самка, какъ субъектъ противоположнаго пола. На такое дополненіе своего я, конечно, не стоитъ раззоряться, для этого годится каждая женщина, не страдающая какимъ либо уродствомъ необходимыхъ органовъ. Отсюда и установились извѣстныя отношенія къ содержан-

камень, не какъ къ любовницамъ, а какъ къ своего рода „работницамъ“ или прислугѣ, на которую возложены спеціальныя обязанности. Въ сущности содержанка занимаетъ то же положеніе, что и горничная—содержательница,—разница только въ томъ, что первая живетъ въ домѣ своего „господина“, а вторая — на отдѣльной квартирѣ. Но эта разница въ полной зависимости отъ семейнаго положенія покровителя. Холостой и живущій на отдѣльной квартирѣ—содержитъ горничную, а женатый или живущій въ семьѣ—имѣетъ содержанку.

Но и къ горничной и къ содержанкѣ отношенія одинаковы,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ это „рабочая сила“, хотя и спеціальная. А при покупкѣ рабочей силы буржуа всегда и вездѣ неизмѣненъ, для него это товаръ, который нужно купить какъ можно дешевле. Для достиженія этой цѣли, какъ извѣстно, существуетъ одинъ способъ—заставить носителя „рабочей силы“ сократить свои потребности до минимума, а, если возможно, то расходы по удовлетворенію и этихъ сокращенныхъ потребностей оплачивать не вполнѣ. Для этого „содержанкѣ“ нанимается отдѣльная комнатка, весьма не казистая, и дается рублей десять на прокормленіе и на туалеты. На эти деньги въ сущности можно только не умереть съ голоду, но сытымъ и одѣтымъ нельзя быть. А поэтому „содержанкѣ“ приходится „прирабатывать“ на сторонѣ,—она тайно отъ своего покровителя принимаетъ къ себѣ мужчинъ, или же „гуляетъ“ по панели. Словомъ, получается что то вродѣ извѣстной „потогонной системы“. Человѣкъ въ сущности продаетъ себя, но обезпеченія своего существованія не получаешь и, благодаря этому, попадаешь въ невозможныя условія. Получаемыхъ отъ „покровителя“ средствъ не хватаетъ на жизнь, а прирабатывать на сторонѣ—значитъ нарушать его права единст-

веннаго владѣльца, за которые онъ держится весьма стойко по многимъ причинамъ.

- Во первыхъ, „прирабатывая“, содержанка уже оскорбляетъ его какъ собственника, къ чему буржуа, а въ особенности мелкіе, весьма чувствительны. Во вторыхъ, онъ охраняетъ свое здоровье, такъ какъ содержанка можетъ заразиться и заразить потомъ его самого.

Въ виду этого, надзоръ за ней очень строгій, и, въ случаѣ „измѣны“ съ ея стороны, расправа бываетъ жестокая, покровитель кулаками старается доказать и вбить въ содержанку сознание ненарушимости его правъ.

— Въ мѣсяцъ разъ десять отколотить, — рассказывала мнѣ одна дѣвушка, бывшая на содержаніи около года. — Никакъ не ухоронишься: или хозяйка (квартирная) скажетъ, или городской, а то дворникъ.

Такимъ образомъ, дѣвушка-содержанка была бита каждые три дня одинъ разъ, а въ теченіи года около ста двадцати разъ. Расходоваль на нее покровитель 20 рублей въ мѣсяцъ: 10 рублей платилъ за комнату и 10 рублей давалъ ей. Двѣсти сорокъ рублей въ годъ и сто двадцать побоевъ, всегда очень чувствительныхъ. Если считать по 2 рубля за каждые побои, и тогда ласки ея приходились покровителю даромъ.

— Ужъ очень не хотѣлось въ „домъ“ итти, потому и терпѣла,—объясняетъ она.

Но въ концѣ концовъ все же не вытерпѣла и переселилась въ „домъ“.

— Онъ бьетъ, а на улицѣ городовые пристають: желтый билетъ, говорятъ, возьми, а то въ участокъ.

А она, собственно, потому только и терпѣла побои и всякія издѣвательства сожителя, что не хотѣла брать страшный для всякой женщины „желтый билетъ“. Взять этотъ билетъ, значитъ по-

терять возможность возврата къ „хорошей“ жизни.

И этимъ страхомъ „покровители“ также не стѣсняются пользоваться. Кромѣ кулачнаго воздѣйствія, они еще грозятъ донести полици и „похлопотать“, чтобы „непокорной“ выдали „билетъ“.

Изъ страха предъ этимъ билетомъ одна дѣвушка, совершенно случайно попавшая на содержаніе, высидѣла около 9 мѣсяцевъ буквально въ одиночномъ заключеніи. Приѣхала она въ незнакомый ей городъ въ надеждѣ поступить въ бонны, но попала въ неудобное время, лѣтомъ, когда буржуа разѣзжаются по дачамъ, — и никакой работы не нашла, прожила все, что имѣла, и начала голодать. Въ это время подвернулся „добрый человекъ“ и взялъ ее на содержаніе.

Первое время все шло хорошо, но затѣмъ испортилось. Дворъ, гдѣ она жила, былъ большой, съ массой жильцовъ, все больше нахлѣбниковъ, одинокихъ, молодыхъ. Всякій разъ, когда дѣвушка выходила на крылечко изъ комнатки, отовсюду сыпались привѣтствія, шутки, нескромности. Покровитель замѣтилъ это и сталъ ревновать, хотя сама дѣвушка никакого повода къ ревности не подавала.

Она была изъ бѣдной чиновничьей семьи и страшно боялась скандала: „какъ бы не дошло до родныхъ“, — но покровитель ничего этого не соображалъ и старался всячески оградить отъ посягателей свою собственность. Такъ, онъ сначала подкупилъ хозяйку и дворника, но когда онѣ неизмѣнно заявляли, что барышня воды не замутить, — не вѣрять, подозрѣвалъ, что она изъ доходовъ отъ постороннихъ обожателей подкупаетъ своихъ надзирателей.

— Она вамъ больше даетъ, вы и покрываете ее. Наконецъ. чтобы быть вполне увѣреннымъ,

онъ въ одно утро, уходя на службу, заперъ ее на замокъ. Дѣвушка возмутилась, протестовала, заявила даже, что не желаетъ больше съ нимъ жить, но онъ пригрозилъ ей, что сейчасъ же пойдетъ въ полицію и заявитъ, что она проститутка.

Угроза эта такъ подѣйствовала на нее, что она съ этихъ поръ уже не рѣшалась протестовать и подчинялась всѣмъ его распоряженіямъ. А распоряженія были такого рода. Съ вечера онъ приноситъ ей провизію, изъ которой она на слѣдующій день и готовитъ себѣ на керосинкѣ обѣдъ, сидя подъ замкомъ. Дверь не запиралась только въ его присутствіи; въ это только время ей позволялось походить по двору, постоять на крылечкѣ. Иногда, впрочемъ, онъ водилъ ее въ городской садъ, въ театръ, въ циркъ,—но очень рѣдко, за всѣ девять мѣсяцевъ 7 или 8 разъ.

Окончилось это „заключеніе“ только благодаря сосѣдямъ, жильцамъ того же двора. Они сначала потѣшались этой „исторіей“, издѣвались надъ „тюремщикомъ“, встрѣчали его крикомъ, уханьемъ, насмѣшками, всякими мистификаціями, вродѣ заявленій о побѣгѣ „птички“ и пр.,—а потомъ стали возмущаться и, наконецъ, потребовали весьма рѣшительно, чтобы онъ прекратилъ „свое тиранство“.

Дѣвушка эта уѣхала изъ города при первой же возможности.

Конечно, это единичный случай, не всѣ такъ ревниво охраняютъ свою „собственность“. Но взглядъ на содержанку, какъ на собственность, общій, всѣ рѣшительно принимаютъ мѣры къ охранѣ своихъ правъ, никто не полагается на расположеніе сожительствующей съ нимъ дѣвушки и не старается привязать ее къ себѣ,—это слишкомъ не прочно, а главное, не согласно съ общепринятымъ взглядомъ на „рабочую силу“. Живая рабочая сила, какова бы она ни была, по мнѣнію

буржуа, требуетъ за собой прежде всего надзора и надзора. Имъ и въ голову не приходитъ, что главная причина „измѣнъ“ лежитъ не въ легкомыслии или развращенности содержанокъ, а въ необходимости пополнить свой бюджетъ постояннымъ заработкомъ. Да и самый режимъ нельзя сказать, чтобы не способствовалъ возникновенію желанія „измѣнить“. „Содержатель“, обыкновенно, требуетъ, чтобы дѣвушка сидѣла дома и никого къ себѣ не принимала. Создается нѣчто вроде тюремной жизни, настраивающей дѣвушку далеко не въ пользу своего покровителя. Вѣчно праздная и наединѣ съ самой собой она не можетъ не пожелать, хотя на часъ, поразнообразить свою жизнь и, конечно, бросается на первую подвернувшуюся интрижку, хотя бы и не нуждалась въ деньгахъ.

Но покровители этого не понимаютъ; они рассматриваютъ факты съ другой стороны и приходятъ къ противоположнымъ выводамъ: „все равно, мало даешь — изъ за денегъ „таскается“, много даешь — съ жиру бѣсится“.

Въ результатѣ получается нѣчто безобразное и неестественное. Люди въ сущности ничѣмъ не связаны, сожительствуютъ по добровольному согласію, а, между тѣмъ, безъ скандала не обходится почти ни одного дня: брань и вообще словесные перепалки обязательны ежедневно, а драки одинъ—два раза въ недѣлю. Такое „сожительство“ повело даже къ тому, что квартирохозяева неохотно пускаютъ содержанокъ и всегда набавляютъ цѣну на комнату, впередъ зная, что придется считаться съ бранью и съ потасовками.

Только сравнительно немногіе устраиваютъ жизнь своихъ содержанокъ сносно.

Масса же, въ особенности мелкіе буржуа, относятся къ своимъ „дамамъ сердца“ именно такъ, какъ описано выше. Благодаря этому, между домами терпимости и кадрами содержанокъ суще-

ствуєть живая связь. Выйдетъ дѣвушка изъ „дома“ на содержаніе, поживетъ немного и опять возвращается. Или же попадетъ дѣвушка на содержаніе, поживетъ, пока есть терпѣніе, а потомъ, смотришь, она или въ „одиночки“ записалась, или же поступила въ домъ. Такъ что сегодня она одиночка, завтра содержанка, послѣ завтра — пансіонерка „дома“.

Одиночки.

Жизнь одиночки, пожалуй, нѣсколько сносна, меньше зависимости, — но за то и менѣе обезпечена.

Въ особенности тяжелымъ бременемъ ложится на одиночку расходъ на квартиру и плата доктору за освидѣтельствованіе. За квартиру съ хлѣбами съ проститутки меньше 30 рублей не возьмутъ. Эту сумму нужно платить единовременно и за мѣсяцъ впередъ, что уже одно чрезвычайно тягостно, такъ какъ заработокъ получается подневно (по визитно), такъ что на квартиру нужно копить. Но кромѣ этого, освидѣтельствованіе производится два раза въ недѣлю и каждый разъ доктору нужно платить въ нѣкоторыхъ городахъ до 5 р. за каждое освидѣтельствованіе, что тоже составитъ крупный расходъ. Прибавьте къ этому расходы на туалетъ и на „особую чистоту“ и окажется, что нужно заработать чуть ли не 100 рублей въ мѣсяцъ, или не менѣе трехъ рублей въ день. Дурная погода, лѣтній разѣздъ, театральная новинка, — часто прерываютъ заработокъ на нѣсколько дней и этого достаточно, чтобы разстроить всѣ расчеты одиночки. Пришелъ понедѣльникъ, нужно идти къ доктору, а денегъ нѣтъ. На другой, на третій день она уже въ участкѣ, а оттуда волей-неволей должна поступать въ домъ, откуда она уже не скоро вырвется, такъ какъ тотчасъ закабалается долгомъ.

Къ числу одиночекъ нужно отнести также и такъ называемые тайные притоны, самое вредное учрежденіе, по своей организаціи. Эти притоны, обыкновенно, содержатся сомнительными личностями, которымъ никакъ уже не удастся получить разрѣшеніе на открытіе „дома“; чтобы обойти законъ, они снимаютъ квартиру съ массой отдѣльныхъ комнатъ и набираютъ впавшихъ въ нужду одиночекъ подъ видомъ нахлѣбницъ. Такимъ образомъ, они снимаютъ съ себя всякую отвѣтственность. Ихъ пансіонерки въ полиціи числятся, какъ одиночки, и отвѣчаютъ за себя сами. Содержатель притона ни за что не отвѣчаетъ, онъ только квартирохозяинъ, не больше.

Въ дѣйствительности отношенія его къ пансіонеркамъ ничѣмъ не разнятся отъ отношеній въ „официальныхъ“ домахъ. Онъ также получаетъ деньги съ гостей, продаетъ имъ напитки, слѣдитъ за порядкомъ, назначаетъ ту или иную дѣвушку къ „гостю“, и вообще ведетъ все дѣло.

Обращеніе съ дѣвушками въ этихъ притонахъ самое возмутительное, ихъ бьютъ плетью за малѣйшую провинность, или даже совсѣмъ безъ вины, только потому, что содержатель притона не въ духъ или „спохмѣля“. А жаловаться некому, такъ какъ никакихъ регламентированныхъ отношеній дѣвушки къ содержателю дома нѣтъ, она только квартирантка, и какъ таковая, должна искать свою обиду въ судѣ, чего кажется еще не бывало за все время существованія проституціи.

Малолѣтніе въ притонахъ.

Такое безотвѣтственное положеніе содержателя тайнаго притона даетъ ему возможность не соблюдать законовъ о малолѣтнихъ: онъ, вѣдь, только сдаетъ комнату, не больше.

Изъ практики одного „общества защиты несчастныхъ женщинъ“ извѣстенъ такой случай. Къ обществу обратилась за покровительствомъ изъ больницы дѣвочка 15 лѣтъ. Въ больницу она числилась, какъ поступившая изъ дома терпимости, гдѣ она прожила до поступленія въ больницу около года. Значитъ, въ домъ она поступила всего 14 лѣтъ, что закономъ не позволено. Въ „обществѣ“ возникъ вопросъ о привлеченіи содержателей дома къ уголовной отвѣтственности. Но когда навели справки въ полиціи, то оказалось, что она „одиночка“ и жила не въ домѣ терпимости, а въ „пансіонѣ“ для одиночекъ. „Пансіонъ“ же тотъ ничтожное, какъ тайный притонъ, содержимый весьма темной личностью. Малолѣтніе въ такихъ притонахъ не рѣдкость, но всѣ онѣ числятся одиночками и, такимъ образомъ, избавляютъ своего хозяина отъ всякой отвѣтственности, о чемъ сами и не подозреваютъ. Напротивъ, всѣ они думаютъ, что между ними и хозяиномъ существуютъ обязательныя отношенія, что они должны „слушаться“ его во всемъ,—и конечно, слушаются, въ противномъ

случаѣ ихъ приводятъ къ повиновенію плетью. Въ существованіи этихъ обязательныхъ отношеній они не сомнѣваются не только потому, что ихъ въ этомъ увѣряетъ самъ „хозяинъ“, но и, главнымъ образомъ, потому, что притонъ посѣщается агентами полиціи, которые со всѣми требованіями и распоряженіями обращаются къ «хозяину», а не къ каждой жиличкѣ въ отдѣльности.

Не рѣдкость въ этихъ же притонахъ и грабежи и даже убійства посѣтителей. Жертву, обыкновенно, спаиваютъ какимъ либо снотворнымъ, обираютъ до чиста, а затѣмъ выносятъ на улицу, куда нибудь въ пустой переулокъ. Очнувшись, ограбленный часто даже не можетъ припомнить, гдѣ и въ какомъ именно притонѣ онъ былъ. Впрочемъ, если бы даже и указалъ, такъ и тогда изъ этого едвали что либо вышло бы. Нужно доказать фактъ грабежа, а это весьма трудно, въ особенности, когда сочувствіе агентовъ полиціи не насторонѣ пострадавшаго. Вообще жалобъ этого рода въ полицейскіе участки приносится очень много, а до суда, эти жалобы почти никогда не доходятъ.

Номера для прїѣзжающихъ.

Такою же роль по отношенію къ одиночкамъ играютъ многіе „номера для прїѣзжающихъ“. Часть этихъ „номеровъ“ буквально не знаетъ иногороднихъ прїѣзжихъ, и живетъ исключительно отдачей комнатъ одиночкамъ — на одну ночь. Разница только въ томъ, что въ притонѣ женщины тутъ же живутъ, а „номера“ каждый разъ посылаютъ за ними, если является желающій. Но разъ одиночка въ стѣнахъ „номеровъ“, она становится въ тоже положеніе, какъ и въ притонѣ. Часть полученной платы (половину) она отдаетъ хозяину, на нее возлагается обязанность требовать съ „гостя“ какъ можно больше напитокковъ и пр. Она избавлена тутъ только отъ дисциплинарныхъ взысканій со стороны хозяина, но за то и хозяинъ не несетъ по отношенію къ ней никакихъ обязанностей. Онъ даетъ ей помѣщеніе за плату, которая взыскивается съ „гостя“, получаетъ половину ея заработка, барыши съ потребленныхъ напитокковъ и затѣмъ не входитъ въ ея положеніе, ни относительно жилища, пищи, одежды, ни относительно ея обязательствъ предъ врачебно-полицейскимъ надзоромъ. Въ случаѣ надобности, онъ только хранитъ тайну ея посѣщеній „номеровъ“. Это бываетъ относительно содержанокъ и замужнихъ женщинъ, если послѣднія еще не попали въ списки проститутокъ.

Нужно сказать, что такихъ женщинъ въ „номеряхъ“ бываетъ не мало, это обыкновенно жены мелкихъ служащихъ и рабочихъ, чаще практикующія днемъ, когда мужъ на работѣ. Въ сущности это начинающіе проститутки, такъ какъ въ концѣ концовъ онѣ оставляютъ мужа и окончательно предаются позорному ремеслу. Ихъ соблазняетъ возможность легкаго и значительнаго для нихъ заработка. Соблазнъ усиливается еще и потому, что начинать имъ приходится при особенно выгодныхъ условіяхъ. Заработокъ мужа даетъ имъ всѣ предметы первой необходимости, а заработокъ въ „номеряхъ“ цѣликомъ идетъ „на булавки“ и вообще на пополненіе хозяйственнаго бюджета. Въ глазахъ мужа это пополненіе и обиліе „булавокъ“ объясняются экономіей въ хозяйствѣ. Пріемъ избитый, всѣмъ извѣстный, однако онъ удается, мужья вѣрятъ ему и остаются очень довольны своими экономными и хозяйственными женами, пока какая нибудь случайность не раскрываетъ имъ глаза.

На счетъ этихъ же номеровъ нужно отнести и развращеніе дѣвушекъ, живущихъ въ семьѣ, при родителяхъ. Это, пожалуй, самая вредная сторона существованія „номеровъ“. Нерѣдко туда попадаютъ даже учащіяся дѣвушки. Въ этомъ впрочемъ, не безъ вины и нѣкоторыя учебныя заведенія, развивающія въ своихъ ученицахъ стремленіе къ франтовству и вообще къ роскоши. Бѣдная дѣвушка чувствуетъ себя очень плохо въ средѣ своихъ товарокъ, щеголяющихъ костюмами, эти товарки прямо фыркаютъ на поношенный костюмъ подруги изъ бѣдной семьи. Конечно, дѣвушка съ твердымъ характеромъ и правильнымъ взглядомъ на вещи просто игнорируетъ это фырканье,—но вѣдь твердыхъ характеровъ не много, а „правильные взгляды“ должны бы развиваться учебнымъ персоналомъ, но не развиваются. Приходится наблюдать нерѣдко

совершенно обратное: одна воспитательница проповѣдуетъ высокое значеніе патентованныхъ корсетовъ, тонкихъ талій и граціозныхъ позъ, другой воспитатель прямо читаетъ лекціи о способахъ покоренія мужскихъ сердець. „Наука“ эта иногда разработана весьма подробно и основательно. Мы знаемъ одного педагога, который преподавалъ, что дѣвушка съ короткой таліей должна предпочитать кофточки изъ матеріи съ продольными полосами, и наоборотъ, дѣвушка съ длинной таліей должна шить кофточку изъ матеріи съ поперечными полосами. Темная одноцвѣтная матерія скрадываетъ полноту талии, а свѣтлая скрадываетъ излишнюю сухость стана. Желаящая успѣха въ обществѣ, вырабатываетъ свои приемы предъ зеркаломъ. Предусмотрѣны даже такія мелочи: „когда дѣвушка сходитъ съ лѣстницы, она не должна подбирать и вообще поддерживать юбку, а должны свободно распустишь по ступенямъ, это скрадываетъ вообще неизящное движеніе ногъ при хожденіи по лѣстницамъ.

Этотъ господинъ науку покоренія сердець считаетъ главной и самонужнѣйшей для дѣвушки. А такъ какъ онъ стоялъ во главѣ учебнаго заведенія, то понятно, какой духъ царилъ среди его учениць. Успѣхъ среди мужчинъ, вотъ главная цѣль! Но для успѣха мало одного знанія науки „покоренія сердець“, нужны еще средства, чтобы имѣть подходящія туалеты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность бывать въ обществѣ.

Вотъ это то и толкаетъ учениць изъ бѣдныхъ семей на печальный путь. Жажда успѣха, стремленіе быть не хуже другихъ сталкиваетъ ихъ на самую послѣднюю ступеньку челоуѣческой нравственности, заставляетъ ихъ торговать собой еще на школьной скамьѣ. Учебное начальство должно бы вести энергичную борьбу противъ этого зла, оно должно бы неустанно, при всякомъ удобномъ

случаѣ толковать, что достоинство чловѣка не въ туалетахъ, не въ манерахъ, не въ изяществѣ фигуры, а въ чистотѣ нравственной его природы, въ той суммѣ пользы, которую онъ приноситъ обществу, въ силѣ его гражданскаго мужества и пр.

Тогда обладательница поношенныхъ, „неизящныхъ“ костюмовъ не чувствовали бы себя преступницами въ средѣ своихъ богатыхъ расфранченныхъ подругъ и не прибѣгали бы къ такимъ печальнымъ средствамъ, чтобы сравняться „со всѣми“. Но къ сожалѣнію этого нѣтъ и съ грустью приходится отмѣтить, что проституція, какъ ремесло, пустило свои ядовитые ростки даже тамъ, гдѣ ей не должно бы быть мѣста.

Кондитерскія.

Не маловажную роль въ этомъ отношеніи играютъ нѣкоторыя изъ кондитерскихъ. Они служатъ мѣстомъ свиданій между учащимися дѣвушками и различными прожигателями жизни, причемъ содержатели кондитерскихъ являются очень ревностными пособниками для любителей свѣжей юности. Обстановка для этого въ кондитерскихъ самая подходящая. Принимая угощеніе отъ „кавалера“ въ видѣ кофе или шоколада, дѣвушка создаетъ уже нѣкоторую близость между нимъ и собой, а подлитый въ кофе ликеръ доканчиваетъ остальное, устраняетъ послѣднія колебанія юной „покорительницы сердець“. Но на этомъ роль кондитерскихъ еще не кончается. Развращая учащихся дѣвушекъ, они не оставляютъ въ сторонѣ и учащуюся молодежь мужскаго пола. Любители неестественнаго разврата тутъ же находятъ учащихся мальчиковъ, готовыхъ удовлетворить ихъ желанія. А такъ какъ въ наше время и этотъ порокъ очень развитъ, то продающихъ себя учащихся мальчиковъ, наберется не мало. А на востокѣ они конкурируютъ съ дѣвочками. Они практикуютъ не только въ кондитерскихъ, но и въ молочныхъ, гдѣ сходятся по вечерамъ съ своими кліентами.

Причина—духъ, царящій въ учебныхъ заведеніяхъ. Верховодятъ въ этомъ отношеніи дѣти

богатыхъ родителей, проходящіе курсъ съ репетиторами и посвящающіе свои вечера кутежамъ и различнымъ похожденіямъ. За ними тянутся менѣе состоятельные и совсѣмъ несостоятельные, — послѣднимъ то и приходится добывать деньги позорнымъ ремесломъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ попадаютъ на эту дорогу и богатые. Такъ, одному мальчику, сыну очень состоятельныхъ родителей, не отпускалось карманныхъ денегъ совсѣмъ. Кутящіе товарищи постоянно упрекали его въ скуности:

— „Такой богачъ, а никогда не угостишь, всегда на чужое стараешься“.

И онъ сталъ „угощать“, но какой цѣной!

Дома терпимости.

Въ 1895 году мѣстной полиціей одного города была сдѣлана попытка регистраціи проституціи. Регистрація эта не была закончена, да и велась крайне неумѣло, но тѣмъ не менѣе были добыты нѣкоторыя цифры, не лишеныя интереса. Этими цифрами мы и воспользуемся, предупредивъ читателя, что цифры только отдаленно приближаются къ дѣйствительному положенію вещей.

Такъ, въ составленной полиціей таблицѣ дѣвушекъ моложе 16 лѣтъ не значитя, а между тѣмъ дѣтская проституція вездѣ уже очень развита.

Точно также и самое число зарегистрированныхъ далеко ниже дѣйствительнаго. Очевидно, что регистрація произведена только въ официально разрѣшенныхъ „домахъ“, при чемъ и тутъ еще по весьма понятнымъ причинамъ не показаны всѣ дѣвушки моложе 16 лѣтъ.

Всего зарегистрировано 184 женщины и дѣвушки. По возрастамъ онѣ распредѣляются такъ:

Лѣта:	16	17	18	19	20	21	22	23
число проститутокъ	12	15	26	28	30	18	13	8

Лѣта:	24	25	26	27	28	29	30 и выше.
число проститутокъ	6	14	2	0	2	0	9

Тутъ прежде всего поражаетъ то, что цифра возрастаетъ только до 20 лѣтняго возраста, а по-

томъ падаетъ и очень быстро, съ 30 на 18, а потомъ на 13, 8, 6. Очевидно, что съ 20 лѣтняго возраста уже начинается убыль проституткокъ изъ „домовъ“,—иначе говоря, большинство доживаетъ только до 20 лѣтняго возраста, а затѣмъ начинается усиленная смертность.

Если разобрать цифры подробнѣе, то мы увидимъ, что 60, 3% женщинъ и дѣвушекъ въ домахъ терпимости имѣютъ отъ роду не свыше 20 лѣтъ, и цѣлыхъ 93% не свыше 25 лѣтъ. Это значитъ, что за 20 лѣтній возрастъ перешагиваютъ только 39,7%, а за черту 25 лѣтняго возраста переходятъ только 7%. Въ абсолютныхъ цифрахъ это выразится такъ: изъ 184 женщинъ и дѣвушекъ 20 лѣтній возрастъ переживаетъ 73 и 25 лѣтній только 13. Но изъ этихъ 13-ти нужно исключить 9, значащихся въ возрастѣ отъ 30 лѣтъ и выше. Цифра эта, очевидно, тутъ случайная, такъ какъ противорѣчитъ всѣмъ остальнымъ. Присутствіе такой „ненормальной“ цифры объясняется весьма просто—зарегистрированы фиктивные проститутки. Это или инвалиды своего ремесла, служащія въ домахъ прислугами, или же родственницы хозяекъ, живущія въ домѣ въ интересахъ надзора и записанныя проститутками въ силу закона, по которому женщины не проститутки не могутъ жить въ домахъ терпимости. Весьма возможно, что присутствіе такихъ женщинъ въ домахъ повліяло и на число лицъ въ 25 и 28 лѣтнемъ возрастѣ, такъ какъ эти цифры также найдутся въ замѣтномъ противорѣчій съ остальными и представляются явно преувеличенными. Въ дѣйствительности, въ 25 лѣтнемъ возрастѣ должно быть не больше 5, а въ 28 лѣтнемъ нуль. За такимъ исправленіемъ таблица получить слѣдующій видъ:

Лѣта:	16	17	18	19	20	21
число проституткокъ	12	15	26	28	30	18

Лѣта:	22	23	24	25	26	27	и выше.
число проститутокъ	13	8	6	5	2	0	

Это значить, что высшій возрастъ для проститутки даннаго города 26 лѣтъ, но этого возраста достигаютъ только 2 изъ 164, т. е. менѣе 2%. До 25 лѣтнаго возраста доживаютъ 4,2%, до 24 л.—7,9%, до 23 л.—12,7%, до 22 л.—20,7%, до 21 г.—31,7%. Или, иначе говоря, въ возрастѣ не болѣе 21 года умираютъ 68,3%, въ возрастѣ до 22 л.—79,3%, 23 л.—87,3%, 24 л.—92,1% и 25 л.—95,8%.

Цифры эти, несомнѣнно, должны поразить спеціалистовъ, такъ какъ общая статистика не даетъ такой высокой смертности въ средѣ проститутокъ. Мы лично объясняемъ себѣ такое несогласіе цифръ общей статистики съ нашими несовершенствами и даже крайней неумѣлостью регистраціи, результатами которой намъ приходится пользоваться. Въ имѣющейся у насъ табличкѣ нѣтъ никакихъ указаній на причины рѣзкой убыли съ 20-ти лѣтнаго возраста. Между тѣмъ всю убыль никакъ нельзя отнести на одну смерть. Нѣтъ сомнѣнія, что не всѣ выходятъ изъ домовъ терпимости мертвыми, нѣкоторыя выходятъ и живыми. Вопросъ только, какъ и куда? Но этотъ вопросъ весьма легко разрѣшается. Всѣмъ, кто хотя сколько нибудь знакомъ съ жизнью проститутокъ, извѣстно, что проститутка, разъ она попала на эту печальную дорожку, почти никогда не сходитъ съ нея до самой смерти. Возвращеніе къ „честному труду“ для нея почти совсѣмъ невозможно и является весьма рѣдкимъ исключеніемъ. Отсюда, какъ общее правило, можно принять—проститутка почти всегда умираетъ проституткой. А слѣдовательно, съ этой стороны небрежность полицейской регистраціи, цифрами которой мы пользуемся, большого значенія по существу не имѣетъ.

Но регистрація эта произведена только въ до-

махъ терпимости, и это обстоятельство нельзя упускать изъ виду, оно весьма важно въ данномъ случаѣ. Зарегистрирована убыль изъ домовъ терпимости, а убыль бываетъ всякая.

Если мы прослѣдимъ „карьеру“ одной проститутки, то увидимъ, что она начинается съ высшаго и кончается низшимъ, начинается съ самаго „шикарнаго“ дома и, постепенно опускаясь, кончается „домомъ“ самаго низшаго разряда, изъ котораго уже выбываетъ или въ могилу или же на улицу, какъ совершенно потерявшая цѣнность. Такая карьера, почти безъ измѣненія, повторяется безконечное число разъ почти всѣми, для всѣхъ только два выхода—или смерть или инвалидность.

А такъ какъ въ нашей табличкѣ зарегистрированы проститутки всѣхъ домовъ и высшаго и низшаго разрядовъ, то очевидно, что прохожденіе проститутками всей „лѣстницы“ ихъ печальной карьеры на цифрахъ не могло отразиться. Зарегистрированъ только конецъ карьеры, выходъ вообще изъ дома терпимости. А выходъ этотъ, мы видѣли, означаетъ или смерть или же полную инвалидность. Такъ что въ предыдущія наши выводы придется внести одну только существенную поправку, именно на ряду съ смертностью вездѣ поставить и инвалидность. Процентъ смертности отъ этого, конечно, сильно понизится, такъ какъ значительная часть падеть на инвалидность.

Но если брать во вниманіе положеніе проститутки, какъ оно есть, то мы не видимъ разницы между смертью и инвалидностью,—больше того, мы предпочитаемъ первую второй. Проститутка—инвалидъ—это то безобразное челоукоподобное существо, не способное даже вызвать жалости, которое мы изрѣдка только видимъ на улицѣ, такъ какъ за ней строго слѣдятъ и не позволяютъ ей появляться въ „чистыхъ“ кварталахъ. Она практикуетъ среди нищихъ и сама нищен-

ствуешь,—но и то и другое ей не даетъ почти ничего: какъ проститутка она потеряла цѣнность, а какъ нищяя—она вызываетъ отвращеніе и отталкиваетъ отъ себя „доброхотныхъ дателей“. Ее сѣдаютъ болѣзни, она умираетъ съ голоду! Не лучше ли смерть, чѣмъ такая жизнь?

Что касается того, что приводимыя нами цифры смертности даже и вмѣстѣ съ инвалидностью все же высоки по сравненію съ такими же цифрами для другихъ мѣстностей,—то объясняется это чрезвычайно тяжелымъ положеніемъ проститутки во взятомъ нами городѣ, тѣмъ гнетомъ, которымъ ложатся на нее мѣстныя условія жизни.

Прежде всего, нигдѣ такъ не беззащитна проститутка, какъ тутъ. Этому способствуютъ весьма многія условія, но главное—какъ это ни странно,—обиліе денегъ въ этомъ почти американскомъ городѣ и соотвѣтственныя этому требованія публики, представляемая къ дому терпимости, въ отношеніи обстановки, костюмовъ и пр.

На это производятся огромныя затраты,—и эти то затраты, главнымъ образомъ, такъ быстро и приближаютъ дѣвушекъ къ могилѣ или инвалидности. Публика, конечно, окупаетъ всѣ сдѣланныя „домомъ“ затраты и окупаетъ съ лихвой, но всѣ выгоды падаютъ на долю хозяйки и только хозяйки. А между тѣмъ, значительная часть затратъ падаетъ на долю дѣвушекъ; всѣ костюмы привлекающіе гостей и являющіеся, собственно говоря, своего рода орудіями производства, дѣлаются за счетъ дѣвушекъ, причемъ цѣна за нихъ ставится двойной и даже тройной. Такимъ образомъ, за дѣвушкой сразу же образуется значительный долгъ, который служить въ рукахъ хозяйки весьма сильнымъ орудіемъ противъ дѣвушки. Напоминаніемъ объ этомъ долгѣ хозяйка подгоняетъ ее болѣе интенсивно „работать“, т. е. спаивать гостей, исполнять всѣ ихъ прихоти, часто противуестественныя и пр.

Спавая гостя, дѣвушка и сама напивается, чтобы какъ можно больше уничтожить напитковъ, что опять таки требуется выгодами хозяйки! Уже одно это ежедневное истребленіе напитковъ въ ужасныхъ количествахъ не можетъ не расшатать здоровья. А къ этому прямо принуждаютъ дѣвушекъ всякими средствами, не исключая побоевъ, запиранія въ холодный сырой подвалъ и пр. Прибавьте къ этому профессиональныя болѣзни и ужасная цифра смертности почти въ годы юности не покажется высокой. Удивительно еще какъ человѣкъ можетъ выдержать тѣ 4—9 лѣтъ (отъ 16 до 20—25 л.), которые значатся по нашей табличкѣ. Ежедневное отравленіе сильными дозами алкоголя, профессиональныя болѣзни, порокъ, какъ ежедневная работа, побои, истязанія,—развѣ всего этого мало, чтобы убить человѣка даже въ одинъ годъ?

Постоянные посѣтители домовъ рассказывали намъ во время нашихъ изслѣдованій по этому предмету, что дѣвушки прямо умирали на ихъ глазахъ.

— При насъ поступаютъ и черезъ годъ—два умираютъ.

Ужасная жатва смерти! И отъ этой страшной жницы нѣтъ возможности избавиться. Большія средства, которыми обладаютъ хозяйки домовъ, дѣлаютъ борьбу дѣвушекъ съ хозяйкой невозможной, даже если бы она и захотѣла освободиться отъ кабалы. Съ такими протестантками, обыкновенно, не церемонятся. Намъ, на примѣръ, извѣстенъ случай, когда „провинившуюся“ дѣвушку содержательница заперла въ темный подвалъ и продержала тамъ семь сутокъ на хлѣбѣ и водѣ. Дѣлается это, разумѣется, для острастки, чтобы не было повадно другимъ. Въ этихъ же видахъ дисциплина въ „домахъ“ весьма строгая и жестокая. Обыкновенно мужъ или сожитель хозяйки имѣетъ у себя плеть, которой и „наказываетъ“ дѣвушекъ за малѣйшую „провинность“. Наказаніе произво-

дится по голому тѣлу, до кровавыхъ рубцовъ. Кромѣ того, „новенькая“ находится подъ строгимъ надзоромъ, ее никуда не выпускаютъ, не позволяютъ ни писать, ни получать писемъ, даже разговоры ея съ посторонними строго контролируются. Подъ такимъ надзоромъ „новенькая“ содержится до тѣхъ поръ, пока окончательно не примирится съ своимъ положеніемъ; а это достигается постояннымъ и систематическимъ одурманиваніемъ спиртными напитками и исключительной замкнутостью интересовъ, строго ограниченныхъ окружающей средой. Запертая въ стѣнахъ дома, окруженная исключительно обитательницами его, подавленная жестокой дисциплиной—дѣвушка поневолѣ начинаетъ входить въ интересы окружающей среды, ее начинаютъ интересовать успѣхъ или неуспѣхъ товарокъ, фаворизмъ у хозяйки, побѣды надъ конкуренткой и пр. На языкѣ содержательницъ это называется „вошла во вкусъ“, а на обыкновенномъ языкѣ это значить, что дѣвушка нравственно умерла, все человѣческое въ ней погубило, она специализировалась въ обитательницу „дома“. Съ этого момента надзоръ за ней ослабляется, но онъ уже и не нуженъ. Она и безъ надзора уже не пойдетъ никуда, развѣ въ другой такой же домъ. Побѣда надъ человѣческой душой дается тѣмъ болѣе легко, что большинство попадаютъ въ эту ужасную обстановку въ юныхъ лѣтахъ, нѣкоторые съ 14—15 лѣтъ, а въ 16-ть очень часто, т. е. какъ разъ въ томъ возрастѣ, когда дѣвушка только формируется, когда у нея еще нѣтъ ни опредѣленныхъ наклонностей, ни вкусовъ, когда она представляетъ изъ себя матеріалъ, который весьма легко втиснуть въ любую форму. А если принять во вниманіе, что содержателямъ и содержательницамъ въ этомъ отношеніи не ставится никакихъ препятствій никѣмъ, то и понятно будетъ, что вырваться изъ притона не такъ то легко. А что препятствій не ставится,

въ этомъ, къ сожалѣнію, не приходится сомнѣваться. Уже одно то, что въ „домахъ“, подлежащихъ официальной регистраціи, годами живутъ 15—16 и 17-ти лѣтнія дѣвицы, т. е. не совершеннолѣтнія, юридически неспособныя, доказываетъ, что тѣ, кому вѣдать надлежитъ, къ интересамъ держателей домовъ относятся довольно бережно. Иначе, вѣдь, во всякомъ такомъ случаѣ были бы возбуждаемы уголовныя преслѣдованія, а несовершеннолѣтнія дѣвицы отправлялись бы на родину, къ родителямъ или опекунамъ, безъ воли которыхъ по закону онѣ не могутъ распорядиться собой. Однако, такихъ преслѣдованій не возбуждается, слѣдовательно „надзоръ“ склоненъ скорѣе помочь держателю, чѣмъ преслѣдовать его.

Этого мало, „надзоръ“ часто очень горячо отстаиваетъ интересы хозяина противъ его „рабынь“. Содержательницамъ и держателямъ чины полиціи оказываютъ очень существенную помощь въ порабощеніи дѣвушекъ. Что бы не быть голословными, мы приводимъ здѣсь прошеніе одной такой дѣвушки, поданное ею на имя главноначальствующаго гражданской частью на Кавказѣ.

Вотъ что она пишетъ:

Его Сіятельству

Главноначальствующему Гражданской Частью на Кавказѣ.

Крестьянки Харьковской
губерніи Феклы Абрамовны
Жуковой

Прошеніе.

Приѣхавъ въ г. Баку 15 декабря прошлаго 1900 года для приисканія занятій, я, не зная города, остановилась временно въ гостинницѣ „Метрополь“, объявивъ въ мѣстной газетѣ о своемъ желаніи

(имѣть работу). На слѣдующій день явилась ко мнѣ женщина, оказавшаяся впоследствии экономкой дома терпимости г-жи Рахманъ, которая обманнымъ образомъ, подъ видомъ будто бы содержимой мастерской дамскихъ шляпъ, привезла меня въ упомянутый „домъ“. Когда я увидѣла, куда я попала, то отчаяніе мое было безпредѣльно, я умоляла отпустить меня, обращалась также къ агентамъ полиціи, но на мои вопли и стоны я получала въ отвѣтъ лишь поруганіе. На улицу меня не выпускали, писать письма, получать или съ кѣмъ либо разговаривать не позволяли. Такимъ образомъ, меня продержали около двухъ мѣсяцевъ, послѣ чего, видя не унимавшееся мое отчаяніе и серьезное недомоганіе, отпустили, но безъ всякихъ средствъ. При этомъ немедленно явился околоточный надзиратель Шахтактинскій и, заявивъ, что дѣйствуетъ по приказанію, арестовалъ меня и, уложивъ мои вещи, отправилъ меня на вокзалъ для отправки на родину. На вокзалъ поѣхала съ нимъ также и вышеупомянутая экономка. Тамъ, подвергаясь самымъ грубымъ оскорбленіямъ и насиліямъ, я была втиснута въ ваговъ отходящаго поѣзда, причемъ мнѣ не дали ни билета, ни денегъ. Съ большимъ трудомъ я вырвалась, прибѣжала въ полицейское управленіе и просила защиты и прекращенія насилія. Въ лицѣ помощника полиціймейстера ротмистра Измаильскаго я нашла гуманнаго защитника, онъ распорядился о прекращеніи беззаконія, а хозяйкѣ „дома“... Рахманъ, пользовавшейся мною въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, предложилъ выдать мнѣ 20 руб. на дорогу. Хозяйка взяла съ меня предварительно росписку о полномъ удовлетвореніи ею меня, а потомъ выдала мнѣ 15 руб. Но мнѣ пришлось остаться въ городѣ еще, такъ какъ въ полицейскомъ управленіи предложили мнѣ придти на слѣдующій день за полученіемъ пришедшаго съ родины паспорта. На слѣдующій день утромъ яв-

ляется въ номеръ гостинницы „Лондонъ“, гдѣ я остановилась, что бы переночевать, околочный надзиратель Фединъ и съ грубостями, превосходящими всякія понятія, приказываетъ собрать пожитки, съ побоями, отъ которыхъ я падаю, выталкиваетъ меня на улицу и доставляетъ въ 3-й полицейскій участокъ. Въ послѣднемъ по приказанію бывшаго тамъ дежурнымъ вышеупомянутаго Шахтактинскаго, меня вталкиваютъ въ темную нетопленную каморку, гдѣ и держатъ до полудня. Затѣмъ, видя, что я посинѣла отъ холода и совсѣмъ изнемогаю, перевели меня въ комнату дежурнаго околочнаго. Во время ареста въ каморкѣ агенты полиціи—фамиліи которыхъ, кромѣ брата упомянутаго выше Шахтактинскаго, не знаю,—заходили ко мнѣ, учиня самыя грубыя насилія въ удовлетвореніе своей животной страсти. А Рахманъ съ своей экономкой въ сопровожденіи околочнаго надзирателя Шахтактинскаго заходили для издѣвательства и осмѣянія моего положенія, которое, по выраженію послѣдняго, состоялось своимъ судомъ. Къ вечеру городской Ага-Мамедъ-Джафаровъ, увидя меня въ участкѣ арестованной, донесъ объ этомъ г. помощнику полиціймейстера, который потребовалъ немедленнаго освобожденія меня и явки въ управленіе, гдѣ помощникъ пристава 3-й части, замѣнявшій временно пристава, на выговоръ г. помощника полиціймейстера за допущеніе произведеннаго надо мною беззаконія, заявилъ, что я была въ состояніи невмѣняемости и производила безчинства, послужившія причиной арестованія меня. Г. помощникъ приказалъ по моему заявленію составить протоколъ при понятыхъ, въ которомъ упоминалось о сказанныхъ беззаконіяхъ, произведенныхъ надо мною агентами полиціи, подъ которыми я по предложенію расписалась, и затѣмъ все это производство съ паспортомъ на слѣдующій день г. помощникъ представилъ г. полиціймейстеру.

На слѣдующій день я снова пришла въ управленіе просить о выдачѣ отобраннаго отъ меня вида на жительство, на что г. полиціймейстеръ ротмистръ Охицинскій заявилъ мнѣ, чтобы я обратилась въ 3-й участокъ, гдѣ находится все мое дѣло и бумаги; но я убѣдительно просила дать мнѣ возможность избѣжать посѣщенія этого участка. Тогда г. полиціймейстеръ предложилъ мнѣ придти на слѣдующій день. На слѣдующій день г. полиціймейстеръ направилъ меня въ 5-й участокъ, находящійся въ „Черномъ городѣ“, версть за 5 отъ города. Видя, что такой тяжбѣ нѣтъ конца, я настоятельно умоляла выдать мнѣ документъ и отпустить меня, на что г. полиціймейстеръ предложилъ мнѣ сперва дать согласіе о прекращеніи всего дѣла, уничтоженія написаннаго протокола, дать подписку о добровольномъ моемъ согласіи на проституцію, о моей полной виновности (?), прекращеніи дѣла и неимѣніи никакихъ претензій, на что я, не видя другого выхода, согласилась и исполнила всѣ требованія, послѣ чего, наконецъ, получила видъ на жительство.

Доведенная такимъ образомъ упомянутыми лицами, также и помощникомъ пристава находящимся при управленіи, г. Шаншіевымъ, которые, поправъ всякія человѣческія права, надругались, издѣвались и истязали меня, доведенная до самаго плачевнаго физическаго, матеріальнаго и нравственнаго состоянія, обращаюсь къ высоко-гуманному чувству Вашего Сіятельства, оказать Ваше просвѣщенное содѣйствіе въ защиту меня ни въ чемъ неповинной отъ преслѣдованія полицейскихъ властей.

„Крестьянка Фекла Абрамовна Жукова“.

Это „прошеніе“, какъ нельзя болѣе, характерно; оно вполнѣ обрисовываетъ то положеніе, въ кото-

рое попадаетъ дѣвушка, пожелавшая оставить печальное ремесло (мы оставляемъ въ сторонѣ исключительное положеніе Жуковой, попавшей въ „домъ“ не по своей волѣ). Хозяйка просто выталкиваетъ ее за дверь, безъ паспорта и безъ гроша денегъ, а агенты полиціи насильно, съ издѣвательствами вталкиваютъ ее „въ вагонъ отходящаго поѣзда“, не снабжая при этомъ билетомъ, т. е. ставятъ ее въ невозможное положеніе: оставаться въ городѣ не смѣй, а ѣхать дальше первой станціи тоже не можешь, высаждать. Словомъ, положеніе такое, въ какое законъ не ставитъ даже самага тяжкаго преступника. А тутъ дѣвушка, страшно потерпѣвшая отъ содержательницы дома, и ужъ во всякомъ случаѣ ни въ чемъ не виновная, подвергается какому то невѣроятному остракизму, ее хотятъ выбросить на сосѣдную пустынную станцію, гдѣ она не въ состояніи будетъ найти себѣ даже ночлега. За что и по какому праву? А, главное, для чего это дѣлается? Отвѣтъ на эти вопросы можетъ быть только одинъ: чтобы „проучить“, отбить охоту протестовать у другихъ. Иначе говоря, дѣлается это исключительно въ интересахъ содержательницы дома. Въ этомъ же направленіи идетъ и все послѣдующее „дѣйство“. Дѣвушка вырывается и бѣжитъ къ помощнику полицеймейстера. Тотъ принимаетъ ея жалобу, относится къ ней сочувственно (одинъ изъ всего состава полиціи), приказываетъ составить протоколъ, т. е. даетъ дѣлу законный ходъ. Съ этой минуты дѣвушка становится полноправной гражданкой. Такъ она думаетъ и занимаетъ номеръ въ гостинницѣ, чтобы переночевать. Но это не въ интересахъ „хозяйки“. Дѣвушка возмутилась и нашла защиту, нашла „управу“ на хозяйку,—это дурной примѣръ другимъ. Въ такомъ положеніи нельзя оставлять дѣло. И оно не оставляется. Рано утромъ еѣ съ побоями (до того, что она падаетъ) тащатъ въ участокъ и бросаютъ въ темный холод-

ный чуланъ. И тутъ надъ ней опять начинаютъ „показывать примѣръ“.

— Что, нашла правду!—издѣвается надъ ней та же хозяйка—не хотѣла жить въ теплѣ да въ холѣ, такъ посиди-ка вотъ тутъ!

— Какъ же, права отыскивать вздумала!—вторить ей околодочный Шахтактинскій.—Вотъ тебѣ и права, вотъ тебѣ и судъ! Мы своимъ судомъ скорѣй найдемъ твои права!

И чтобы окончательно убѣдить ее, что она вовсе не человѣкъ, а попрежнему только проститутка, къ ней впускается участковая челядь во главѣ съ братомъ околодочнаго, и надъ ней производятся возмутительныя насилія...

Выводится она изъ этого положенія только случайно, только потому, что тотъ же помощникъ полицеймейстера чрезъ городского узнаетъ о дѣйствіяхъ чиновъ 3-го участка. Ее освобождаютъ и приводятъ въ полицейское управленіе. Но на этомъ ея мученія не кончаются. Ее нельзя отпустить, она уже опасна и для чиновъ полиціи и для хозяйки. И вотъ ее начинаютъ „водить“.

— Иди въ третій участокъ!—говоритъ ей полицеймейстеръ.

Это въ тотъ самый участокъ, въ которомъ она больше всего натерпѣлась мученій!

— Ради Бога, не посылайте меня туда!—молить она.

— Ну, тогда приди завтра.

А на завтра ее посылаютъ въ 5 участокъ. Почему въ пятый? Дѣло началось въ третьемъ, и продолжалось у полицейместера, живетъ просительница въ 3-мъ участкѣ (гостинница „Лондонъ“), а ее посылаютъ въ 5-ый, собственно за черту города, въ заводскій районъ. Зачѣмъ, почему?

Чтобы довести до того состоянія, въ которомъ человѣкъ машетъ на все рукой и поступаетъ всѣми своими правами. И это достигается. Она со-

глашается взять свою жалобу назадъ, признаеть, что она сама пожелала быть проституткой, что „хозяйка“ права во всемъ, а виновата одна она, Жукова. Въ чемъ виновата? Этого ни она, ни тѣ, которые отбирали отъ нея подписку, не знаютъ. Фраза о ея виновности внесена просто на всякій случай. Сами они кругомъ запутались, спасаясь отъ одной вины, нагромоздили цѣлую кучу преступлений, а поэтому и стараются оградить себя со всѣхъ сторонъ, до виновности ни въ чемъ не повинной противницы включительно. Отбирая подписку, полицеймейстеръ забываетъ даже то, что самая эта подписка, говорящая о томъ, что Жукова согласна на уничтоженіе протокола, обличаетъ его виновность, какъ чиновника полиціи, прекращающаго такія уголовныя дѣла, какъ преступления по должности подвѣдомственныхъ ему чиновъ, неправильное лишеніе свободы со стороны тѣхъ же чиновъ, побои, издѣвательства и пр. и обманное завлеченіе Жуковой въ домъ терпимости хозяйкой этого дома Рахманъ, — словомъ прекращающаго и слѣдовательно скрывающаго такія преступления, которыя прекращенію не подлежатъ. Такова юридическая сторона дѣла. Но не такова фактическая. Съ фактической стороны Рахманъ и чины полиціи достигаютъ намѣченной цѣли, они наглядно показываютъ всей корпораціи такихъ же отверженныхъ, что никакихъ правъ у нихъ нѣтъ, что протесты съ ихъ стороны ни къ чему не ведутъ, что хозяйка всегда будетъ права, а онѣ всегда останутся виновными. Въ этомъ убѣждена даже сама Рахманъ. Заступничество полиціи такъ подѣйствовало на нее, что она въ своихъ двухъ домахъ ввела еще болѣе строгую дисциплину. Какъ разъ въ разгаръ борьбы съ Жуковой передъ ней „провинилась“ чѣмъ то еще другая дѣвушка, крестьянка Харьковской губерніи Марья Григорьевна Ткаченко. И вотъ хозяйка запираетъ дѣвушку въ сырой подвалъ и дер-

жить ее тамъ около 10 дней. Фактъ этотъ былъ извѣстенъ чинамъ полиціи того же третьяго участка. Приведенные нами факты, намъ кажется, достаточно подтверждаютъ высказанную выше мысль, что дѣвушки остаются въ домахъ терпимости далеко не добровольно. Иначе говоря, на глазахъ у общества существуютъ такія учрежденія, которыя, будучи поставлены какъ бы внѣ закона, на глазахъ у всѣхъ вырываютъ юныхъ членовъ общества и превращаютъ ихъ въ отвратительный позорный матеріалъ, почти пытками вытравливая въ нихъ все человѣческое. И неужели это нормально? Неужели несчастные не найдутъ себѣ защиты хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой онѣ имѣютъ право на эту защиту по закону? Это было бы позорно для людей XX вѣка.

Но, повидимому, позоръ не особенно тяготитъ „людей XX вѣка“, такъ какъ они довольно охотно мирятся съ существованіемъ этихъ учреждений. Даже больше того, стараются закрыть глаза и не видѣть ихъ и приносимаго ими зла. Въ этомъ отношеніи весьма характерна краткая исторія одного „общества защиты несчастныхъ женщинъ“. Инициаторы этого общества съ самаго начала повели энергичную борьбу съ развратителями дѣвушекъ и съ домами терпимости, опубликовавъ въ мѣстной газетѣ всѣ факты съ именами виновныхъ. Но мѣстные буржуа испугались такого направленія дѣятельности „общества“, и рѣшила принять мѣры. Сначала они попробовали „уговорить“ инициаторовъ, а когда это не удалось, то они привлекли въ члены общества своихъ сторонниковъ и, составивъ большинство, оттерли своихъ противниковъ, забаллотировавъ ихъ при выборахъ въ правленіе. Въ результатѣ дѣятельность „общества“ ограничивается содержаніемъ мастерской, въ которой работаетъ 4—6 дѣвушекъ. Борьба же съ причинами зла совершенно оставлена. Между тѣмъ, инициаторы общества на эту

то борьбу и возлагали главныя надежды. Насколько правиленъ былъ взглядъ инициаторовъ общества можно судить по тому, что въ періодъ ихъ дѣятельности дѣвушки и женщины прямо осаждали общество всевозможными просьбами, создалось цѣлое движеніе среди женщинъ, распространившееся далеко за черту проституціи. Ежедневно, напримѣръ, приходили жены съ жалобами на мужей и съ просьбами выхлопотать отдѣльный видъ на житье; являлись по нѣскольку въ день брошенныя сожительницы съ младенцами на рукахъ, умоляя о юридической помощи и проч. Мы не говоримъ уже о проституткахъ, желающихъ бросить свое печальное ремесло... А теперь все это заглохло, затихло, къ обществу въ его новомъ составѣ почти никто не обращается.

Но возвратимся къ нашимъ цифрамъ.

Слѣдующая графа таблицы распредѣляетъ проститутокъ по профессіямъ. Въ этой графѣ мы видимъ, что въ кадры проститутокъ рекрутируются исключительно трудящіяся женщины или жены трудящихся. Занимающихся домашнимъ хозяйствомъ попало въ дома терпимости 68 женщинъ, домашняя прислуга представлена 88-ю женщинами и дѣвушками, портнихи — 8, шляпницы — 3, бѣлошвейки—6, прачки—1, фабричныя работницы—5, хористки—3, бонны—1 и нищенствующія—1.

Эти цифры, какъ нельзя болѣе, подтверждаютъ указанныя нами въ предыдущихъ главахъ нашей книжки, при которыхъ совершается развращеніе женщинъ.

Мы указывали тамъ на развращеніе домашней прислуги и женъ мелкихъ служащихъ и рабочихъ,— и вотъ полицейская таблица даетъ намъ 68 женщинъ, занимавшихся раньше домашнимъ хозяйствомъ, и 88 прислугъ, а всего 156 женщинъ или болѣе 84% всего количества зарегистрированныхъ проститутокъ.

Точно также и слѣдующая графа вполне подтверждаетъ наши предыдущіе выводы, касающіеся способовъ растлѣнія. Въ этомъ отношеніи всѣ женщины „домовъ“ распредѣляются такъ:

Растлѣны: мужемъ—29, любовникомъ—41, проданы—1, въ состояніи опьяненія—8, путемъ разныхъ обѣщаній—3, продавшихся за деньги—15, изнасилованы—15 „смѣшанныя причины“—72.

Къ сожалѣнію послѣдняя цифра, занимающая также видное мѣсто, не позволяетъ сдѣлать изъ приведенныхъ цифръ какихъ либо болѣе или менѣе точныхъ выводовъ. Тѣмъ не менѣе, даже не входя въ подробную оцѣнку каждой цифры, не трудно увидѣть и тутъ отраженіе той же картины нравовъ, которую мы пытались нарисовать въ предыдущихъ главахъ нашей работы. Если мы отбросимъ цифру „72“, относительно которой намъ ничего не извѣстно, оставшіяся 112 женщинъ дадутъ намъ богатый матеріалъ для размышленій. Двадцать девять изъ нихъ вышли замужъ невинными, а потомъ оказались въ вертепѣ и при томъ же очень скоро, такъ какъ изъ предыдущаго мы видѣли, что намъ приходится имѣть здѣсь дѣло съ женщинами въ возрастѣ не свыше 25 лѣтъ, причѣмъ этого возраста достигаютъ только 4, 2^о%. Средній возрастъ, слѣдовательно, значительно ниже и ужъ никакъ не выше 22—23 лѣтъ. Предположивъ, что въ среднемъ выходятъ замужъ въ 18 лѣтнемъ возрастѣ, мы встрѣтимся съ поразительнымъ фактомъ. Невинная дѣвушка, въ 18 лѣтъ вышедшая замужъ, въ 22—23 года оказывается уже въ домѣ терпимости. Но и этотъ срокъ, очевидно, еще не отвѣчаетъ дѣйствительности, такъ какъ зарегистрированъ не моментъ поступленія въ домъ, а проживаніе въ немъ, т. е. зарегистрированъ такой моментъ, которому необходимо предшествуетъ извѣстный періодъ времени, для одной большій, для другой меньшій. Если мы этотъ

періодъ времени опредѣлимъ только въ одинъ годъ, и тогда окажется, что невинная новобрачная попала въ домъ терпимости чрезъ три-четыре года. И такихъ „новобрачныхъ“ въ домахъ оказалось 29 изъ 112-ти, или почти 26⁰/₀! Что ихъ заставило такимъ форсированнымъ маршемъ приблизиться къ такому печальному концу? У каждой изъ нихъ былъ мужъ, естественный кормилецъ, слѣдовательно особенно острой нужды онѣ не могли испытывать. Семейный разладъ въ такое короткое время, какъ три-четыре года, не могъ довести женщину до дома терпимости. Она могла уйти отъ мужа, но не прямо же въ вертепъ разврата! Явно, что всѣ онѣ погибли по какимъ-то особымъ причинамъ. Эти причины мы и указывали выше. Онѣ заключаются въ общемъ строѣ отношеній къ женщинѣ. Она предметъ купли-продажи, а поэтому, какъ только на горизонтѣ появится молоденькая женщина, такъ на нее предъявляется „спросъ.“ Претендентами являются обладатели болѣе или менѣе крупныхъ доходовъ. Дѣйствуютъ и чрезъ мужа и помимо его, смотря по обстоятельствамъ, но почти всегда достигаютъ цѣли. Новобрачная втягивается въ атмосферу разврата и затѣмъ весьма быстро скатывается по наклонной плоскости прямо въ домъ терпимости. Весь циклъ развращенія невинной женщины иногда заканчивается въ теченіе 1—2 лѣтъ.

Еще быстрѣе карьера тѣхъ, которые начинаютъ не съ замужества, а съ сожителства съ любовникомъ. Такихъ въ таблицѣ 41 или около 37⁰/₀. Въ предыдущихъ главахъ мы указывали на очень распространенное явленіе сожителства съ горничными. Цифра эта, полагаемъ, достаточно ясно говоритъ, каковы послѣдствія этого сожителства.

Затѣмъ, идутъ „проданныя“, „пьяныя“, „обманутыя“, „продавшіяся“, всего 27 женщинъ, или болѣе 24⁰/₀. Для всѣхъ этихъ, очевидно, существуетъ

одна причина—деньги. Разница только въ томъ, что за однѣхъ деньги взяты кѣмъ то другимъ, другія взяли сами, третьи съ помощью подкупленныхъ пособниковъ опоены виномъ, четвертые не безъ участія такихъ-же продажныхъ пособниковъ обмануты. Но главнымъ рычагомъ были вездѣ деньги, обиліе денегъ у однихъ и полное отсутствіе ихъ у другихъ. Для одного рубль—огромная сумма, а другой имѣетъ возможность сорить рублями, какъ прахомъ земнымъ. Поэтому послѣдній дѣйствуетъ хладнокровно, съ извѣстнымъ расчетомъ, а у перваго съ перваго же момента кружится голова отъ неожиданнаго дождя рублей. Словомъ, какъ, и вообще въ жизни народовъ, главнымъ зломъ является неравенство распредѣленія капиталовъ: у одного милліонъ, а у другою нуль! А отсюда и сопротивленіе втораго по отношенію къ первому равно нулю.

По сословіямъ обитательницы домовъ распредѣляются такъ: крестьянокъ—137, мѣщанокъ—46 и дворянокъ—1.

Это значитъ, что въ огромномъ большинствѣ попадаютъ въ дома терпимости пріѣзжія женщины, въ особенности деревенскія жительницы; т. е. крестьянки, которыхъ въ таблицѣ и отмѣчено 137, или 74,4% всего количества. Объясняется это именно тѣмъ, что на нихъ больше всего вліяетъ кажущаяся выгодность ремесла проститутки, а также и вся обстановка жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, если сопоставить сѣрую трудовую жизнь крестьянской женщины, задавленной нуждой, привыкшей на каждую копейку смотрѣть съ благоговѣніемъ, съ видимой роскошью обстановки проститутки, то приходится сознаться, что соблазнъ слишкомъ великъ, почти непреодолимъ. Для горожанки уже легче противустоять соблазну, такъ какъ ей болѣе или менѣе извѣстна не одна показанная сторона жизни, а и внутренняя, она

видѣла или слышала отъ другихъ, что въ жизни проститутки не одни цвѣты, а есть и терніи. Это и подтверждается таблицей, показывающей всего только 46 мѣщанокъ, или 25⁰/₀ всего количества.

Неестественный порокъ.

Сношеніе съ малолѣтними и съ особями одного пола, о которыхъ мы говорили выше, относится уже къ области неестественнаго порока. Тутъ уже страсть выливается въ болѣзненные формы, выходя за предѣлы здороваго и нормальнаго удовлетворенія естественной потребности.

Но это только начало потусторонней страсти. Болѣзнь, развиваясь, не останавливается на этомъ. Извращенная фантазія пресыщеннаго и обезсиленнаго порокомъ чловѣка идетъ дальше. Она стремится побѣдить физическое безсиліе, замѣняя одни органы другими и создавая, такимъ образомъ, нездоровую атмосферу половыхъ настроеній, въ которыхъ чловѣкъ и живетъ, какъ въ пьяномъ угарѣ.

Сюда относится такъ называемая лесбосская любовь, извѣстная еще въ глубокой древности. Тутъ устранено даже главное условіе полового возбужденія—необходимость хотя бы близости субъекта противоположнаго пола. Мѣсто мужчины для женщины занимаетъ женщина. Объясняется это, можетъ быть, тѣмъ, что эта форма порока впервые возникла на востокѣ, гдѣ женщина была поставлена въ такія условія, что внѣбрачныя сношенія съ мужчиной для нея были почти недоступны.

Во всякомъ случаѣ лесбосская любовь—удѣлъ

обезпеченныхъ классовъ, до демократіи она не спускается. А поэтому и къ нашей темѣ этотъ порокъ мало относится. Тутъ нѣтъ главнаго условія существованія проституціи—это необходимости услугъ со стороны голоднаго человѣка для другого, обезпеченнаго, пресыщеннаго. Нѣтъ купли-продажи. Тутъ двѣ женщины, подавленные вѣчной праздностью, витають въ области нездоровой фантазіи и создаютъ себѣ культъ изъ постоянного полового раздраженія, оказывая другъ другу услуги.

Соціальное неравенство классовъ, являющееся прямой причиною существованія проституціи, въ данномъ случаѣ говоритъ только намъ, что въ немъ, въ этомъ социальномъ неравенствѣ заложена гибель не только рабовъ, но и господъ. Праздность и чрезмѣрное питаніе, не регулируемое здоровымъ трудомъ, отдають этихъ послѣднихъ во власть такихъ пороковъ, которые ведутъ ни къ чему иному, какъ къ самоуничтоженію.

Классъ, дошедшій до извращенія удовлетворенія половыхъ потребностей, не можетъ существовать; онъ самъ кладетъ предѣлъ своему существованію. Его историческое *завтра* отмѣчается ничѣмъ инымъ, какъ смертью. Признаки наступленія этого *завтра* мы видимъ и сейчасъ. Такъ называемые старые роды, аристократическія и буржуазные, въ большинствѣ случаевъ производятъ потомковъ съ явными признаками вырожденія. Больше того, быть дегенератомъ становится почти обязательнымъ для природнаго аристократа. Поэтому тѣ, которые „по несчастію“ случайно родились отъ здоровыхъ родителей, стараются симулировать дегенерацію, чтобы такимъ образомъ воочію предъ всѣми показать и доказать свое аристократическое происхождение. Самъ классъ, значить призналъ, что его потомками могутъ быть только дегенераты. А если въ извѣстномъ субъектѣ нѣтъ ясныхъ признаковъ вырожденія, то и аристократизмъ его происхожде-

нія сомнителенъ, въ немъ значить, есть кровь посторонняго класса, кровь плебея, такъ какъ только отсюда можетъ еще выходить здоровое потомство.

И, когда пшють корчить физиономію полуидіота, то онъ этимъ самымъ безсознательно усиливается доказать, во-первыхъ, что отецъ его при женитьбѣ не совершилъ мезальянса, а во вторыхъ, что онъ именно сынъ своего отца, фамилію котораго носить, а не зачать при благосклонномъ содѣйствіи маменькина кучера, дворецкаго или цирковаго атлета.

Но такой пшють и не подозрѣваетъ, что онъ своей физиономіей и мимикой доказываетъ еще и третье—это то, что его родители не способны производить здоровое потомство. А это такое грозное предостереженіе для аристократіи (буржуазной и родовой безразлично), какъ класса, что она уже въ одномъ этомъ должна бы почерпнуть убѣжденіе, что „такъ продолжаться не можетъ“. Однако, какъ ни часто эти слова повторяются, все же владѣльцы капиталовъ, взявшіе гибельную и для себя привилегію праздности, остаются глухими и слѣпыми, ни на минуту не сворачивая съ разъ намѣченнаго пути... къ пропасти.

Демократическіе классы время отъ времени пытаются силой своротить ихъ съ этого пути, происходятъ кровавыя столкновенія,—но владыки капитала цѣпко держатся за свое положеніе свободныхъ отъ труда людей. Этотъ слѣпой эгоизмъ, направленный прямо противъ интересовъ потомства, тѣмъ болѣе поразителенъ, что буржуа и аристократы весьма чадолюбивы. Даже и самое экономическое господство и стремленіе къ нему оправдывается въ сущности страстнымъ желаніемъ обезпечить будущаго потомковъ. Тутъ забывается и не принимается во вниманіе одна простая вещь — это то, что, оставляя потомству готовыя средства

къ жизни, люди тѣмъ самымъ лишаютъ это по- томство необходимости трудиться, устраняя этимъ одно изъ самыхъ необходимыхъ условій жизни. Человѣкъ, поставленный въ такія условія, путемъ обильнаго питанія ежедневно приобретаетъ все новыя и новыя физическія силы, а нормальнаго здороваго клапана для траты этихъ силъ не имѣетъ. Правда, такой клапанъ могъ бы создать спортъ, въ основу котораго положены физическія упражненія. Такой спортъ и пропагандируется въ аристократическихъ и буржуазныхъ кругахъ. Но мы видимъ, что число спортсменовъ этого рода весьма незначительно. При томъ же и это незначительное количество спортсменовъ падаетъ всецѣло на возрастъ крайней молодости. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ спортъ оставляется. Это правило приложимо даже къ Англии, странѣ спорта.

А если это такъ, то въ конечномъ выводѣ спортъ какъ суррогатъ здороваго физическаго труда, спасаетъ отъ вырожденія только единицы. Классъ же въ своемъ цѣломъ страдаетъ отсутствіемъ траты физическихъ силъ, что *неминуемо ведетъ къ постоянному и ненормальному половому возбужденію.*

Праздность — мать всѣхъ пороковъ. Это прописная истина, которую намъ приходится дополнить развѣ тѣмъ, что въ числѣ дѣтей праздности первенцемъ является половое извращеніе, порокъ самый скверный и въ тоже время самый гибельный для человѣческой семьи.

Праздная фантазія, постоянно подогрѣваемая избыткомъ неиспользованныхъ физическихъ силъ, ищетъ все новыхъ и новыхъ интересовъ въ области полового вожделѣнія. И если Сафо культивировала лесбосскую любовь, то мужчины въ свою очередь додумались до возможности обходиться безъ помощи женщины.

Но объ этомъ мы уже говорили въ началѣ нашей работы, а поэтому и не будемъ особенно рас-

пространяться о формахъ этого порока. Скажемъ только, что если на югѣ и востокѣ этотъ порокъ захватываетъ достаточно широкіе круги населенія, отъ магната аристократа до самаго маленькаго буржуа,—то въ сѣверныхъ странахъ мужеложство культивируется исключительно въ высшихъ кругахъ аристократовъ или претендующихъ на аристократизмъ. Это привиллегія большихъ баръ, въ особенности занимающихъ исключительно высокое положеніе, за которыми идутъ и ихъ рептиліи, въ родѣ извѣстнаго въ Петербургѣ князя...

Но это ихъ домашнее дѣло, не выходящее за предѣлы данной соціальной группы, и поэтому къ нашему вопросу имѣющее только косвенное отношеніе.

Къ сожалѣнію половыя извращенія этимъ не ограничиваются. Въ большинствѣ случаевъ пресыщенный человѣкъ обращается къ услугамъ бѣдныхъ, голодныхъ людей.

Вотъ какую картинку мы находимъ въ газетѣ „Сегодня“. „Въ 3—4 часа ночи развратъ уже догораетъ на Невскомъ проспектѣ“.

„Остаются только однѣ „головешки“—десять два оборванныхъ, иззябшихъ несчастныхъ „жриць любви“, отъ которыхъ отказался послѣдній пьяненькій рябчикъ—приказчикъ или половой изъ трактира“.

„Онѣ уныло бродятъ по улицѣ, попыхивая папироской и съ замираніемъ сердца думая о завтрашнемъ днѣ“.

„Завтра—голодь. Ругань „хозяйки“. Побои, жестокіе побои „кота“, который придетъ за выручкой и ничего не получить“.

„Въ это время появляются на Невскомъ маркизы де-Садъ“.

„Обыкновенно это очень прилично одѣтые господа, по большей части въ цилиндрахъ и съ моноклями“.

„Замѣтивъ одиноко бродящую дѣвушку, франтъ подходитъ къ ней и презрительно цѣдитъ сквозь зубы:

— Э-э... скучно, милая?

„Дѣвушка изображаетъ на своемъ испитомъ, затасканномъ лицѣ обворожительную улыбку.

— Конечно, скучно, — говоритъ она, — вдвоемъ всегда веселѣе...

„Франтъ еще презрительнѣе пожимаетъ плечами и говоритъ морщась:

— Ну, какое съ тобой веселье. Дурнушка ты, почти уродъ...

А вотъ это, если хочешь:

„Онъ показываетъ хлысть и небрежно роняетъ— 15 ударовъ два рубля!

„Бѣдная жрица любви начинаетъ раскидывать мозгами.

„Ей все равно быть битой. Если она отвергнетъ предложеніе франта, ее завтра будетъ истязать ея покровитель. Будетъ топтать ногами, колотить чѣмъ попало и по чемъ попало“.

„Ужъ лучше быть исколоченной хлыстомъ франта... Полусоглашаясь, она спрашиваетъ:

— А вы не больно?

— Нѣтъ-съ, больно... Очень больно!— говоритъ онъ“...

Дѣвушка все таки соглашается, и начинается торгъ.

„3—4 рубля, обыкновенно, удовлетворяютъ обѣ стороны, и за эти деньги франтъ покупаетъ право на истязаніе несчастной жертвы голода“.

„Начинается истязаніе“.

„Маркизь де-Садъ, понятно, сѣчетъ свою жертву не просто, а со всякими фокусами“.

„Иногда онъ входитъ въ блокъ съ „хозяйкой“, и тогда надъ жертвой начинаютъ издѣваться“.

„Ее сѣкутъ на полу, на кровати, на табуретѣ. Сѣкутъ хлыстомъ, ремнемъ, розгами“.

„Дѣвушка кричитъ — ей завязываютъ ротъ. Въ

промежуткахъ ее спаиваютъ коньякомъ и пивомъ“.

„Дворникъ слышитъ задушенный крикъ, свистъ розогъ, но рубль закрываетъ ему глаза и уши.

„Къ утру совершенно пьяную, всю въ рубцахъ и кровавыхъ подтекахъ, дѣвушку, бросаютъ на кровать.

„Однако къ вечеру она уже опять припудрена, подрумянена, одѣта съ убогимъ шикомъ, который требуется для улицы, и готова къ новымъ ласкамъ или истязаніямъ“.

Между дамами Невскаго есть уже такія, которыя поймавъ васъ за рукавъ, сразу предлагаютъ:

— 3 рубля хлыстомъ, а ежели ремнемъ, то два“...

„Есть говорятъ такія артистки, которыя такъ „выдѣлали кожу“, что свободно переносятъ 25—30 ударовъ хлыстомъ“.

— Вамъ съ крикомъ или безъ крика? — спрашиваютъ онѣ нанимателя.

„И сообразно съ этимъ ставятъ цѣну“.

Обыкновенныя проститутки, у которыхъ кожа еще чувствительна, завидуютъ имъ страшно (!)“.

— Хоть отъ скверныхъ болѣзней застрахованы! — говорятъ онѣ вздыхая. — Рубцы заживутъ. Кожа не платье, которое зашивать нужно, если порвется. Она сама заживаетъ“...

„Число маркизовъ де-Садъ замѣтно прогрессируетъ за послѣднее время“.

„Въ 3—4 часа ихъ можно видѣть вездѣ на Невскомъ: у пассажа у Николаевского вокзала, у Аничкина моста“.

Между ними молодые франты, солидные мужчины среднихъ лѣтъ, съ брюшками; попадаютъ даже сѣдовласые старички“.

„Они шныряютъ по улицѣ, заглядывая подъ шляпки и присматриваясь къ лицамъ, на которыхъ замѣтнѣе и рельефнѣе видна печать го-лода“.

Картина характерная для существующихъ соціальныхъ отношеній. Полное пресыщеніе тутъ ищетъ своего антипода—безнадежно голоднаго чело­вѣка, надъ которымъ и проявляетъ власть де­негъ,—проявляетъ въ полной мѣрѣ, не стѣняясь никакими границами.

Жестокость! Но не одна жестокость, а съ при­мѣсью большой дозы болѣзненной страсти, ко­торая и ставится цѣлью въ дикой картинѣ истязанія женщины.

Хлысть, какъ средство для достиженія полового удовлетворенія не составляетъ новости. Это всег­дашній спутникъ полового безсилія, хотя примѣ­няется и различно.

Тутъ мы видимъ истязаніе женщины, которымъ и достигается удовлетвореніе безсильнаго истяза­теля. Но извѣстна и другая форма, когда женщину ставятъ въ положеніи истязательницы: она сѣчетъ своего нанимателя и тѣмъ доводитъ его до воз­бужденія.

Таковъ удѣлъ пресыщенныхъ людей. Имъ при­ходится хлыстомъ выбивать изъ себя способность сношенія съ женщиной.

Но это средство слишкомъ радикальное и не всѣмъ по силамъ. А поэтому болѣзненная фантазія и ищетъ выходовъ въ другой сторонѣ, именно въ созиданіи извѣстной обстановки для разврата и въ замѣнѣ обезсилѣвшихъ органовъ другими, предназначенными природой совсѣмъ для другихъ функцій.

Парнографическій клубъ.

Мы заимствуемъ описаніе этого клуба изъ газеты „Столичное Утро“. Цѣлью этого клуба, какъ яазъ, именно и служить созданіе возбуждающей атмосферы, въ которой страдающій половымъ безсиліемъ субъектъ доводитъ себя до такого состоянія, въ которомъ удовлетвореніе получается помимо соотвѣтствующихъ органовъ.

Иначе говоря, весь человѣкъ превращается въ одинъ сплошной половой органъ.

Вотъ какова обстановка такого превращенія.

I.

Авторъ описываетъ клубъ, какъ очевидецъ.

...„Мой знакомый повелъ меня въ конспиративный „Храмъ Эроса“.

„Мы вошли въ роскошно обставленную пріемную, гдѣ меня снабдили карточкой, именовавшей меня почетнымъ гостемъ „Эротическаго клуба...“.

„Общій залъ, куда мы вступили изъ пріемной, поразилъ меня своимъ великолѣпіемъ. Стѣны, потолокъ, окна и двери были роскошно декорированы розовымъ шелкомъ, изъ за складокъ котораго глядѣли парижскія гравюры въ плотныхъ рамкахъ чернаго дерева“.

„Въ залъ волнами переливался розовый полу-

мракъ, отчего обнаженные фигуры на гравюрахъ приобрѣтали жизненность и создавали приторную, липкую атмосферу скрытаго разврата“.

„Возможно, что въ данномъ случаѣ не обошлось безъ психологической подкладки, потому что содержаніе гравюръ не выходило пока за предѣлы обычныхъ изображеній мужскаго и женскаго тѣла“.

„По залу взадъ и впередъ прогуливались дамы въ умопомрачительныхъ туалетахъ и мужчины въ официальныхъ смокингахъ и сюртукахъ“.

„Мы пришли рано, шепнулъ мнѣ знакомый, оглядывая немногочисленную публику, гуляющую по залу со скучнымъ и безучастнымъ видомъ“.

— „Это одно изъ фойэ,—добавилъ онъ,—очевидно, въ залахъ еще не все готово. Въдѣ здѣсь декорация мѣняется два раза въ недѣлю, съ прибытіемъ заграничныхъ транспортовъ. Декорацией завѣдуетъ парижскій художникъ Б. и „небезызвѣстный въ послѣднее время беллетристъ-поэтъ“, фамилію котораго излишне называть (!)“.

Только въ этомъ сараѣ все по старому, — сказалъ онъ, съ небрежной брезгливостью оглядывая роскошную декорацию фойэ“.

„Публика все прибывала“.

„Появились паралитики-старички, юноши, не уступавшіе дряхлостью старичкамъ, кое-гдѣ мелькнули три-четыре розовыхъ мальчишескихъ физиономій“.

„Но преобладали, несомнѣнно, женщины“.

„Онѣ буквально затопили моремъ кружевъ и шелка весь залъ, и отдѣльныя группы мужчинъ рѣдкими черными островками выдѣлялись среди разноцвѣтныхъ полутоновъ дамскихъ нарядовъ“.

„Мимо меня проскользнулъ 14 лѣтній толстый мальчуганъ, съ какимъ-то виноватымъ видомъ слѣдовавшій за испитымъ чахлымъ мужчиной“.

„Я удивленно посмотрѣлъ на моего спутника“.

— „Неужели?—мелькнула въ головѣ отвратительная мысль“.

— „Крылья“, — спокойно улыбнулся мой знакомый“.

„Наконецъ дверь въ другой конецъ фойе распахнулась, и струя блѣдно-синяго свѣта ворвалась въ фойе“.

„Публика хлынула въ открытую дверь“.

„Мы вошли вслѣдъ за всѣми“.

„Кровь ударила мнѣ въ голову, и жгучій стыдъ буквально переполнилъ все мое существо“.

„Прямо предо мной въ глубинѣ комнаты чуть-ли не полстѣны занимала задрапированная голубой кисеей картина“.

„Изображалась гнусная сцена утонченнѣйшаго парижскаго разврата“. Реализмъ билъ во всю. Детали, видимо, сладострастно смаковались „опытнымъ“ художникомъ. Наглымъ цинизмомъ дышала каждый мазокъ кисти“.

„Я отвернулся и въ глаза мнѣ ударило еще болѣе отвратительное зрѣлище“.

„Сотни раскраснѣвшихся, потныхъ лицъ, дышащихъ послѣдней степенью страсти, налитые кровью глаза, искрящіеся тупымъ, безумнымъ блескомъ взоры. Каждая жилка трепетала въ этихъ животныхъ физиономіяхъ, искаженныхъ отвратительнымъ чувствомъ извращеннаго сладострастія“.

„Трудно сказать, что произвело болѣе грязное ощущеніе: картина-ли, или разгоряченная ею публика?“

— „Выйдемъ отсюда!—шепнулъ я своему спутнику, также, видимо, слегка возмущенному этимъ зрѣлищемъ“.

— „Да, марка черезъ чуръ высока!—пробормоталъ онъ, увлекая меня сквозь толпу въ боковую дверь“.

— „Посидимъ въ библіотекѣ, а потомъ прямо пройдемъ въ концертный залъ“.

„Въ библіотекѣ мы очутились одни“...

— „Неужели снаружи ничто не обличает характера библиотеки?—подумаль я и самъ устыдился своей наивности“.

„Въ углу, слегка прикрытая тяжелой бархатной портьерой, бѣлѣла гипсовая фигура обнаженнаго мальчика съ цинично сложенными руками“.

— „Здѣсь исключительно иностранная литература,—сказаль мнѣ мой спутникъ,—изъ русскихъ только Кузьминъ принять въ библиотеку клуба. „Санинъ“ Арцыбашева признается панацеей мѣщанской нравственности“.

— „Однако, какая все таки гадость!—не удержался я.—Эти картины! *Это возбужденіе пресыщенной животной толпы!*“

— Ну, это вы напрасно, — хладнокровно отвѣтилъ мой знакомый.—Я васъ понимаю. Несомнѣнно на первый разъ такая степень высока! Она можетъ даже оттолкнуть. Здѣсь необходима постепенность! Вы послѣдовательно должны приучиться постигать красоту сладострастія. А вѣдь оно-то, сладострастіе менѣе всего въ общепринятыхъ формахъ мѣщанскаго женолюбія. Оно именно въ томъ, что вы называете извращенностью чувства“.

„Мой спутникъ позвонилъ прислугу и потребоваль ликера“.

— „Для перваго раза хоть одурманьте себя, — сказалъ онъ, — а то вы рискуете не быть въ состояніи пробыть здѣсь до конца вечера“.

II.

„Мелодичный серебряный звонокъ нарушилъ нашу бесѣду“.

„Пойдемте!—сказаль мой спутникъ, — сейчасъ концертное отдѣленіе!“

„Мы вошли въ огромный полутемный залъ.“

„Густой, приторный запахъ сирени такъ и обдалъ насъ, и въ сиреновомъ сумракѣ трудно было различить что либо“.

„За сценой послышались тихіе аккорды арфы. Аккомпанировалъ рояль“.

„Я не знатокъ музыки, но и на меня пахнуло чѣмъ-то нѣжнымъ, знойнымъ, заволакивающимъ сознание, доводящимъ его до отупѣнія, до страшной сверхчувственности“.

„Темпъ усиливался; но не веселье, не разгулъ чудился въ тягучей повышавшейся мелодіи,—липкая тина прянаго чувства, восточное, острое, непонятное возбужденіе навѣвала эта новая для меня музыка“.

„Рѣзкій аккордъ прервалъ очарованіе“.

„Взвился занавѣсъ, и волны мягкаго краснаго свѣта хлынули въ залъ съ волшебной убранной живыми цвѣтами эстрады“.

„На сцену выпорхнули двѣ танцовщицы въ совершенномъ почти дезабилье“.

„Начался танецъ“.

„Гибкія, изящныя тѣлодвиженія, томная грація и дурманящая прелесть страстныхъ порывовъ вдругъ безстыдно нарушились неприкровеннымъ цинизмомъ, грязной пошлостью, отвратительнымъ до тошноты жестомъ“.

„Танцовщицы изогнулись въ дикомъ кричащемъ изгибѣ, и вдругъ изъ за сцены съ легкостью сернь выскочило четверо мальчиковъ,—веселіе, красивые, стройные,—совершенно обнаженные“.

„И какъ ни красиво гармоничное сочетаніе молодыхъ, изящныхъ, свѣжихъ фигуръ,—чѣмъ-то тайно гнуснымъ, безстыдно отвратительнымъ повѣяло отъ этого восточнаго сладострастнаго танца, возбуждавшаго истерическія вскрикиванія въ объятіи сумракомъ залъ“.

„Но танцы окончились“.

„На сцену вышла костлявая изможденная фигура юноши. Онъ былъ совершенно голъ“.

— „Лекторъ эстетики,—шепнулъ мнѣ мой спутникъ“.

„Отвратительная фигура сухопараго юноши безстыдно стала на краю сцены“.

„Я отвернулся. Слишкомъ циничень былъ видъ молодого профессора“.

„Длинно, скучно и отвратительно повѣствоваль лекторъ объ аномаліяхъ своего противнаго тѣла, явившихся слѣдствіемъ неестественныхъ половыхъ желаній: кружилась голова и подступало что то къ горлу отъ цинично откровенной рѣчи безстыднаго юноши“.

„Наконецъ онъ окончилъ“.

„На сценѣ появился „не безызвѣстный беллетристъ-поэтъ“.

„Трудно передать всю ту массу пошлости, цинизма и карамазовщины, которую рекомендовалъ поэтъ, какъ новый путь въ литературѣ, искусствѣ и въ чувствованіяхъ современнаго человѣка“.

„Нѣтъ! Лучше обойти эту проповѣдь!“

„Концертное отдѣленіе было закончено“.

III.

— „Ваша программа закончена,—обратился ко мнѣ мой спутникъ.—Гостямъ нельзя долѣе оставаться здѣсь. Но если вы хотите увидѣть дальнѣйшее, я попрошу объ этомъ предсѣдательницу общества и хозяйку дома баронессу Ш...“

„Я махнулъ рукой. Цинизмъ атмосферы до такой степени обдалъ меня со всѣхъ сторонъ, что я чувствовалъ себя на вѣки погрязшимъ въ липкой массѣ скверны“.

— „До конца, такъ до конца!—сказалъ я.

„Спутникъ мой вернулся отъ предсѣдательницы“.

— „Позволила. Пойдемте въ мой кабинетъ,—сказалъ онъ,—обращаясь ко мнѣ и къ сидѣвшей рядомъ съ нимъ красивой женщинѣ южнаго типа“.

„Я не помню, что произошло. Несомнѣнно на

меня опьяняюще подѣйствовалъ не столько выпитый ликеръ, сколько все видѣнное“.

„Но въ кабинетѣ моего спутника я помню такую картину“.

„Въ купальномъ костюмѣ полулежитъ въ креслѣ мой знакомый. У него на колѣняхъ въ самомъ откровенномъ видѣ сидитъ приглашенная имъ женщина. А противъ нея сладострастно улыбается эротическая старческая физиономія“.

„Изъ чувства элементарнаго стыда я лишень возможности полиѣе описать эту сцену. Достаточно того, что главнымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся старичекъ—vis a vis“.

„У меня закружилась голова отъ отвращенія“.

„Я выскочилъ изъ кабинета моего знакомаго въ библіотеку“.

„Грязное до тошноты отвратительное ощущеніе обьяло меня отъ головы до ногъ. Противно было прикосновеніе собственной своей руки“.

И вдругъ открылась дверь, и въ библіотеку выскочилъ голый измятый мальчикъ. Истерзанный видъ его, помутнѣвшіе глаза, дрожащія руки и вся пошатывающаяся, измученная фигура слишкомъ ясно говорили въ чьей власти онъ былъ

„Я собралъ послѣднія силы и вышелъ изъ этого гнуснаго омута разврата“.

„Отцы, матери, учителя и воспитатели, берегитесь! Въ программу общества включено: начать съ осени пропаганду эротическихъ идей среди учащихся обоого пола“.

(„Стол. Утро“, № 45—1907 г.).

Заклученіе.

По поводу этого описанія „порнографическаго клуба“ намъ остается сказать только нѣсколько словъ, которыя вмѣстѣ послужатъ заключительными словами для всей нашей работы. Порнографическій клубъ, а вѣрнѣе, просто притонъ противуестественнаго разврата, является вѣнцомъ тѣхъ отношеній людей, на которыхъ держится капиталистическій строй. Постепенно въ своемъ развитіи этотъ строй однихъ поработчалъ и обезсиливалъ, а другихъ возводилъ по лѣстницѣ могущества и власти, поставивъ, наконецъ, ихъ въ такое положеніе, что и самое поработаніе не требуетъ отъ нихъ никакихъ усилій. У нихъ, такимъ образомъ, все есть и все дается безъ труда, не исключая и власти.

Отсюда, они потеряли значеніе въ жизни даже и въ качествѣ властителей. Система строя дѣйствуетъ сама, безъ ихъ участія. А они оказались совершенно ненужными въ общей производительной работѣ, оказались „лишенными труда“, какъ ихъ антиподы лишены правъ. А лишенный труда неминуемо теряетъ цѣльность и крѣпость организма; развитіе его организма идетъ въ одну сторону и именно въ ту, съ которой къ нему предъявляются требованія.

Въ данномъ случаѣ эти требованія опредѣляются традиціоннымъ: „вино и женщины!“—что въ свою очередь сводилось къ половымъ наслажденіямъ. Въ продолженіе вѣковъ эти наслажденія были обычнымъ режимомъ жизни, что естественно и повело къ переутомленію, за которымъ, какъ уже указано выше, послѣдовало начало вырожденія класса. На сцену уже выступаетъ потомство, которому естественныя сношенія съ женщиной недоступны. Требуется порнографическій клубъ, иначе говоря, требуется учрежденіе для самоубійства. И въ это учрежденіе идутъ, не могутъ не идти, такъ какъ иного смысла существованія нѣтъ. Для нихъ въ обществѣ нѣтъ иного дѣла, и убійственный клубъ—только логическій и естественный конецъ всей исторіи господства однихъ и рабства другихъ. Жизнь, сама природа, мститъ господамъ за муки и страданія рабовъ и приводитъ ихъ въ порнографическій клубъ, какъ въ историческую могилу, въ которой они и найдутъ свой безславный конецъ.
